

ГЛАВА I

КРИЗИС КЛАССИЧЕСКОГО ГРЕЧЕСКОГО ПОЛИСА: ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Два века, составляющие классическую эпоху истории Древней Греции, лишь в очень малой степени напоминают друг друга. IV в. до н. э. резко отличается от V в. до н. э., от «золотого века классики», от наивысшего взлета эллинской цивилизации. Между двумя столетиями пролегла настоящая пропасть; имел место принципиальный перелом, пришедшийся на годы Пелопоннесской войны.

По большому счету можно сказать, что в этой войне вообще не было победителя: от нее не выиграла, а пострадала вся Эллада. Длительный вооруженный конфликт сыграл огромную негативную роль в истории греческого мира, положил начало нарастанию кризисных явлений, наверное, во всех без исключения полисах. В Греции практически не было региона, который не понес бы ущерба от продолжавшихся из года в год военных кампаний. Ведь они сопровождались гибелью людей, разорением сельскохозяйственных угодий, разрывом торговых связей, бессмысленными тратами огромных денежных средств¹.

¹ О судьбе греческой экономики во время Пелопоннесской войны см.: *Diesner H.-J. Wirtschaft und Gesellschaft bei Thukydides*. Halle, 1956. S. 92 ff.; *Spielvogel J. Wirtschaft und Geld bei Aristophanes: Untersuchungen zu den ökonomischen Bedingungen in Athen im Übergang vom 5. zum 4. Jh. v.Chr.* Frankfurt am Main, 2001.

Война отрицательно повлияла на внутривосточную ситуацию в полисах, которая стала более нестабильной: участились гражданские смуты и перевороты. В межвосточных отношениях нарастала раздробленность, невозможность объединить силы даже перед лицом серьезных угроз. Одним словом, Греция вышла из многолетнего испытания очень ослабленной, как бы надломленной; ее «золотой век», период высшего процветания остался позади. Полоса подъема сменилась полосой кризиса.

Итак, «кризис IV века» (впрочем, по причинам, обозначенным выше, в предисловии, нам бы казалось более корректным называть его «кризисом конца V — IV в. до н. э.»), по поводу которого немало было сломано копий в историографии, особенно отечественной: ведь для российского антиковедения советского периода он долгое время находился в числе подчеркнуто приоритетных тем². Выработать единую, «правильную» концепцию кризиса, насколько можно судить, все-таки не удалось, но ряд весьма важных и точных наблюдений был сделан. Что же касается западной науки об античности, которая и в целом отличалась большей плюралистичностью и меньшим интересом к теоретическим проблемам, то в ней прийти к такому единому взгляду на кризис даже и не пытались вплоть до совсем недавнего времени, к тому же занимались им более спорадически.

В результате на сегодняшний день существуют самые разные, порой полярно противоположные трактовки интересующего нас исторического явления. Это обусловлено и объективными причинами: кризис классического полиса, который разразился в ходе Пелопоннесской войны, а в IV в. до н. э. стал самым главным, ключевым процессом, характеризовавшим это столетие, пронизавшим собой все поры общества, представляет собой феномен, чрезвычайно сложный для понимания, интерпретации, да и просто для объективного, целостного и корректного описания. Он был многомерным, имел целый ряд более или менее

² См. из важнейших отечественных работ о кризисе полиса: *Глушкина Л.М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. М., 1975; *Маринович Л.П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975; *она же.* Греки и Александр Македонский (К проблеме кризиса полиса). М., 1993; *Фролов Э.Д.* Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. Л., 1984; *он же.* Греция в эпоху поздней классики: Общество. Личность. Власть. СПб., 2001 (эта книга представляет собой сборник работ, в основном написанных значительно раньше, но автор подчеркивает, что он и поныне по важнейшим вопросам остается на прежних позициях); *Исаева В.И.* Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М., 1994.

важных аспектов. В зависимости от того, какие из этих аспектов мы будем считать принципиальными, первичными, определяющими, а какие — второстепенными и производными, будет проистекать и общая точка зрения на «кризис IV века». У любой из таких точек зрения, несомненно, окажутся не только свои сильные, но и слабые стороны, что делает ее уязвимой для критики.

Следует подчеркнуть, что последующее изложение в данной главе является именно лишь одной из точек зрения на кризис классического полиса — той, которая особенно близка автору этих строк, которая представляется ему наиболее взвешенной. Мы не настолько самонадеянны, чтобы претендовать на окончательное и бесповоротное разрешение комплекса сложнейших проблем. Вообще в настоящее время наука лишь подходит к всесторонней характеристике кризиса, в изучении многих его нюансов имеется еще немало «белых пятен».

Очевидно, будет не лишним прежде всего охарактеризовать, — безусловно, в очень краткой, общей и, может быть, в чем-то упрощенной форме, что неизбежно, — основные точки зрения на предмет, высказывавшиеся ранее³. Тем более что при интерпретации кризисных явлений, охвативших греческий полисный мир в IV в. до н. э., между различными исследователями, повторим, возникает большое количество концептуальных расхождений; их мнения вступают в прямое противоречие друг с другом.

Традиционной, превалировавшей в историографии на протяжении десятилетий можно назвать точку зрения, согласно которой в указанном столетии в Греции наблюдались симптомы всестороннего кризиса: в экономической сфере — концентрация земельной собственности в руках немногих богачей, упадок свободного крестьянства и, как следствие, общий аграрный кризис или даже разруха в сельском хозяйстве, снижение темпов развития ремесла и торговли, возрастание роли рабовладельческих отношений, в социально-политической сфере — кризис и осложнение общественных отношений, подрыв равновесия между высшими и низшими слоями населения, концентрация власти в руках состоятельной привилегированной элиты, вышедшей из торгово-ремесленных кругов («буржуазии», по определению некоторых склонных к модернизации исследователей). Данная точка зрения

³ Полезный разбор этих точек зрения см. в работе: *Davies J.K. The Fourth Century Crisis: What Crisis? // AD. S. 29–36.*

отразилась, в частности, в ранних работах выдающейся французской исследовательницы К. Моссе⁴, в фундаментальной многотомной коллективной монографии «Эллинские полисы», вышедшей в 1974 г. в ГДР под редакцией Э. Вельскопф⁵. Кстати, в написании этого труда приняли заметное участие российские антиковеды. Отметим в связи со сказанным, что именно излагаемая здесь концепция — о кризисе IV в. до н. э. как всестороннем упадке, в основе которого лежали экономические факторы, — в целом утвердилась, с теми или иными вариациями, в отечественной литературе (см. вышеупомянутые работы Л.М. Глускиной, Э.Д. Фролова)⁶, хотя в последнее время наметились и попытки более неоднозначной трактовки этого кризиса (Л.П. Маринович)⁷.

Существует также мнение, согласно которому кризис IV в. до н. э. был в истории Греции не «кризисом упадка», а «кризисом роста», в ходе которого экономическая и политическая эволюция древнегреческого общества вышла за рамки полиса. В данной концепции акцент делается не столько на негативные, сколько на позитивные стороны развертывавшихся процессов. Представитель этой точки зрения — чешский ученый Я. Печирка⁸.

Наконец, в самое последнее время в западном антиковедении, кажется, наметилась тенденция вообще в значительной мере затушевывать кризисные явления в полисном мире IV в. до н. э. и даже — в

⁴ И прежде всего, в ее известной книге: *Mossé C. La fin de la démocratie athénienne*. P., 1962. В дальнейшем Моссе во многом изменила точку зрения; ее более поздние работы (например: *Mossé C. La classe politique à Athènes au IVe siècle* // AD. S. 67–77) написаны с существенно иных позиций.

⁵ *Hellenische Poleis: Krise — Wandlung — Wirkung* / Hrsg. von Welskopf E.Ch. Bd. 1–4. B., 1974.

⁶ Работы с подобной трактовкой кризиса IV в. до н. э. в российском антиковедении появляются вплоть до самого последнего времени. См., например: *Борухович В.Г. Кризис греческого полиса в IV в. до н. э. (к постановке проблемы)* // Проблемы антиковедения и медиевистики. Нижний Новгород, 1999. С. 15–19. Кстати, вызывает удивление, что автор пытается «поставить» проблему, которая на самом деле уже давным-давно поставлена и для которой предлагались, как мы сейчас и видим, разнообразные варианты решения.

⁷ Из более ранних попыток оспорить «ортодоксию», безусловно, следует упомянуть чрезвычайно интересные, опередившие свое время статьи В.Н. Андреева. См., в частности: *Андреев В.Н. Структура частного богатства в Афинах V–IV вв. до н. э.* // ВДИ. 1981. № 3. С. 21–47; *он же. Аграрные отношения в Аттике в V–IV вв. до н. э.* // Античная Греция: Проблемы развития полиса. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 247–326.

⁸ *Pečírka J. The Crisis of the Athenian Polis in the Fourth Century B.C.* // *Eirene*. 1976. Vol. 14. P. 5–29.

крайних проявлениях этой тенденции — попросту отрицать саму реальность кризиса классического греческого полиса. Это прослеживается во все большем количестве работ⁹, становится своего рода «новой ортодоксией». Едва ли не самым ярким проявлением такого подхода стал вышедший в 1995 г. весьма объемистый сборник статей под редакцией В. Эдера «Афинская демократия в IV веке до н. э.: совершенствование или упадок формы государственного устройства?»¹⁰. Среди авторов книги — ряд ведущих антиковедов современности: П. Родс, Дж. Дейвис, Э. Бадиан, М. Пьерар, К. Моссе и др.

Не будем углубляться здесь в детальный разбор положений, развиваемых в сборнике, поскольку такой разбор был нами уже проделан в другом месте¹¹. Отметим лишь, что между перечисленными учеными отнюдь нет полного единства во взглядах, существуют серьезные разногласия. Так, одни из них совсем не считают возможным признать историческую реальность «кризиса IV века», другие утверждают, что не было кризиса полиса как такового, а был лишь кризис системы межполисных взаимоотношений, третьи полагают, что кризис, может быть, и имел место в каких-то регионах греческого мира, но, во всяком случае, в Афинах он не наблюдается, и пр., и пр. Понятно, что все эти расхождения в деталях отнюдь не придают стройности и убедительности целому, мешают выработать единый взгляд на рассматриваемый комплекс процессов и событий.

В сущности, единственное, что объединяет адептов характеризуемого здесь направления, — попытка противопоставить традиционной схеме нечто новое; но само это новое еще не выкристаллизовалось в концептуально четкой форме, оставляет много неясностей, значительно усложняет ответы на ряд принципиальных вопросов и, откровенно говоря, больше ставит новых проблем, чем помогает решить уже существующих. Перед нами — очередная схема, не менее спорная и уязвимая, чем предлагавшиеся ранее.

⁹ Из недавних примеров см., например: *Ober J. The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999. P. 29–31.*

¹⁰ *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? / Hrsg. von Eder W. Stuttgart, 1995.* В системе сокращений, принятых в нашей монографии, эта книга обозначается как AD.

¹¹ *Суриков И.Е. Новая концепция афинской истории IV в. до н. э. // ВДИ. 1996. № 4. С. 235–245.* К оценке сборника, о котором идет речь, см. также: *Маринович Л.П. Закон и власть в классических Афинах // ВЧОАМ. С. 5–18.*

Несмотря на обилие метких, точных наблюдений авторов сборника по конкретным вопросам — о значительном подъеме и процветании в экономике Афин IV в. до н. э., об элементах стабильности и плодотворного континуитета в социально-политической сфере и т. п., — все-таки в общем и целом приходится признать: концепция афинской и греческой истории этого времени, в которой совершенно не остается места для каких-либо проявлений кризиса, которая как бы отмахивается от них как маловажных и несущественных реалий, на наш взгляд, вряд ли может быть принята. Она слишком явно страдает односторонностью.

Из сказанного, наверное, уже ясно: автор этих строк не сомневается в том, что кризис классического греческого полиса — реальный исторический факт, а периодически предпринимающиеся попытки отрицать это, доказывать, что Греция IV в. до н. э. не знала серьезных кризисных явлений, развивалась, в принципе, по тем же закономерностям, что и в предшествующем столетии, не имеют под собой убедительных оснований.

Непонятно, как согласовать отрицание кризиса полиса с фактом конечного исторического поражения полисного мира. Если внутренних предпосылок этого поражения не было, то получается, что его причиной стало лишь роковое вмешательство внешней силы (в данном случае Македонии), а это создает впечатление некой злополучной случайности. Попытку выйти из положения предпринял У. Рансимен¹², предложив считать, что полис — это «эволюционный тупик», такой тип общества и государства, который в принципе неспособен адаптироваться к существенным переменам, прежде всего из-за невозможности в полисных условиях реальной концентрации власти. Иными словами, полис ушел в прошлое не потому, что в какой-то момент он вступил в полосу кризиса, а потому, что он изначально был структурой, обреченной на гибель. Ну что же, наверное, в каком-то смысле это так; как говорится, «ничто не вечно под луной». Но если данная конкретная форма социально-политической организации не является вечной, из этого никоим образом не вытекает, что ее следует признать «тупиковой». Иначе как же быть с грандиозными успехами как внутреннего, так и внешнего порядка, достигнутыми полисом в течение архаической и раннеклассической эпох? И не оказываемся ли скорее мы сами в тупике, приняв этот тезис?

¹² *Runciman W.G. Doomed to Extinction: The Polis as an Evolutionary Dead-end // GC. P. 347–367.*

Далее, в решительном противоречии с рассматриваемой концепцией (или, скорее, тенденцией), отрицающей кризис, находятся суждения самих авторов IV в. до н. э. — публицистов, философов, политических идеологов — о своей эпохе. Невозможно не заметить, что суждения эти были за редким исключением негативными, пронизанными ностальгией по «великому прошлому», по времени Греко-персидских войн и Пентеконтаэтии¹³. Граждане греческих государств, жившие в эту эпоху, рассматривали ее как период кризиса, далеко не лучшее время в истории Эллады, и с тоской оглядывались назад — на славный век побед над персами, процветания Афин при Фемистокле, Кимоне, Перикле, военных успехов простой и мужественной Спарты¹⁴. Как могло получиться, что в общественном сознании периода, будто бы не характеризовавшегося кризисными явлениями, сложилось тем не менее тревожное ощущение всестороннего кризиса, упадка? Ответа на этот вопрос, увы, не дается.

* * *

Итак, «кризис IV века» — отнюдь не историографический миф, а самая что ни на есть суровая реальность. В то же время с его конкретными составляющими далеко не все ясно; как мы уже видели, изобилуют самые разнообразные точки зрения. В подобной ситуации наиболее уместным представляется не «изобретать велосипед», не придумывать что-то совершенно новое (да это и вряд ли возможно), а взять наиболее ценное из имеющихся теорий кризиса классического полиса и привести, насколько это возможно, в определенный синтез, постоянно учитывая при этом неодинаковую значимость различных факторов, действовавших в интересующую нас эпоху.

¹³ Как ни парадоксально, сами же авторы сборника, о котором здесь идет речь, не устают подмечать эти ностальгические нотки едва ли не во всех сферах общественного бытия афинского полиса IV в. до н. э. — от внешней политики (*Badian E. The Ghost of Empire. Reflection on Athenian Foreign Policy in the Fourth Century B.C. // AD. S. 79–106*) до литературы (*Seidensticker B. Dichtung und Gesellschaft im 4. Jahrhundert. Versuch eines Überblicks // AD. S. 175–198*) и искусства (*Borbein A.H. Die bildende Kunst Athens im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. // AD. S. 429–457*).

¹⁴ Уже сразу после Пелопоннесской войны в творчестве Фукидида эти настроения звучат с полной ясностью, что аргументированно показано в фундаментальной монографии: *Will W. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003*.

Так, представляется не вполне правомерным считать (как это часто делается), что корни кризиса классического полиса лежали в экономической сфере. Греческая экономика IV в. до н. э., безусловно, имела отличительные черты по сравнению с предшествующей эпохой. Фактором, оказывавшим на хозяйственное развитие крайне негативное воздействие, стали постоянные военные конфликты между полисами. Уже Пелопоннесская война подорвала благосостояние многих регионов Эллады. Впоследствии вооруженные столкновения, приводившие к разорению сельскохозяйственных территорий, разрыву торговых связей и т. п., стали едва ли не ежегодными.

Но к этому наблюдению необходимо дать несколько принципиальных оговорок. Прежде всего, частые межполисные войны — реалья, отнюдь не появившаяся впервые в эпоху кризиса. Она, насколько можно судить, была имманентно присуща греческому миру — даже в период архаики. Да, в IV в. до н. э. таких войн стало больше. Но ведь это — количественное, а не качественное различие. Далее, в целом полисы по большей части довольно быстро оправлялись от ущерба, наносимого военными действиями, от разорения врагами сельской местности¹⁵. А с другой стороны, войны оказывали стимулирующее воздействие на развитие ряда отраслей ремесленного производства: оружейного дела, судостроения, строительства фортификационных сооружений¹⁶.

В целом вряд ли можно говорить о том, что общее благосостояние греческих полисов было в IV в. до н. э. существенно ниже, чем в предшествующем столетии, характеризующемся как «золотой век Эллады». Возникавшие экономические проблемы в большинстве случаев достаточно успешно разрешались. Так, Афины в ходе неудачной для них Пелопоннесской войны утратили такой колоссальный источник доходов, каким ранее являлся форос, эксплуатация союзников по Архэ. Это было, конечно, чрезвычайно болезненно. Чтобы выжить в усложнившемся мире, сохранять авторитетное положение, поддерживать существование демократии — а эта политическая система, как известно, требует больших расходов, — афинянам приходилось изыскивать внутренние ресурсы; именно это они и предпринимали. Только теперь на-

¹⁵ Суриков И.Е. Попытка торговых санкций в классической Греции: мегарская псефисма Перикла и ее последствия // *Торговля и торговец в античном мире*. М., 1997. С. 36.

¹⁶ Здесь следует отметить, что в античной Греции действительно интенсивно и прогрессивно развивались только те области техники, которые были связаны с военным делом.

чала по-настоящему развиваться сельскохозяйственная инфраструктура аттической хоры; становилась более интенсивной разработка Лаврийских серебряных рудников¹⁷. Афины в этот период установили дружественные отношения с далеким Боспорским царством в Северном Причерноморье¹⁸, и это тоже имело немаловажные экономические последствия: правители Боспора по льготным ценам, а порой и просто в дар поставляли в афинский полис крупные партии зерна.

В результате Афины IV в. до н. э. никак нельзя было назвать бедным полисом. Конечно, такая ситуация, как при Перикле, когда в сокровищницах Акрополя хранился колоссальный «неприкосновенный запас государства» — тысячи талантов серебра (Thuc. II. 13. 3) — уже не могла повториться. Но тем не менее, как говорится, на жизнь хватало. А между тем расходы не уменьшались, а только увеличивались. Так, в начале IV в. до н. э. появилась новая, ранее не существовавшая расходная статья — оплата гражданам посещения народных собраний (Arist. Ath. pol. 41. 3).

Разумеется, не всем полисам удавалось столь же успешно справляться с экономическими трудностями. Так, очень сильно пострадала от нарастания кризисных явлений в экономике Спарта¹⁹. Она заплатила особенно большую цену за свои притязания на гегемонию в Элладе и к середине IV в. до н. э. находилась в чрезвычайно тяжелом положении. Имевшая место в ходе спартано-фиванских войн утрата Мессении с ее плодородными землями, обрабатывавшимися даровым трудом илотов, нанесла сильный удар по сельскому хозяйству, а ведь именно оно являлось безусловной основой хозяйственной жизни спартанского полиса. Гражданский коллектив спартиатов, который и раньше-то был небольшим, еще больше поредел в результате военных потерь и других факторов, что приводило к ослаблению обороноспособности.

¹⁷ Эти процессы хорошо продемонстрированы на археологических данных в работе: *Lohmann H. Die Chora Athens im 4. Jahrhundert v.Chr.: Festungswesen, Bergbau und Siedlungen // AD. S. 515–548.*

¹⁸ О дружественном характере этих отношений см.: *Скржинская М.В.* Ольвиополисы и боспоряне в Афинах // ВДИ. 2002. № 2. С. 133–143; *Braund D.* The Bosporan Kings and Classical Athens: Imagined Breaches in a Cordial Relationship (Aisch. 3.171–172; [Dem.] 34,36) // *The Cauldron of Ariantas: Studies Presented to A.N. Ščeglov on the Occasion of his 70th Birthday.* Aarhus, 2003. P. 197–208.

¹⁹ Об упадке Спарты в IV в. до н. э. см.: *Cartledge P.* Sparta and Lakonia: A Regional History 1300–362 BC. 2 ed. L., 2002. P. 228 ff.

В бытие Спарты стали проникать такие дотоле чуждые ей явления, как деньги, имущественное расслоение. Насколько можно судить, еще в начале IV в. до н. э. был принят особый закон (так называемая ретра Эпитадея, по имени предложившего его эфора), разрешавший спартиатам дарить и завещать другим лицам свои земельные участки, которые ранее являлись неотчуждаемыми и передавались по наследству от отца к сыну, а в случае отсутствия сыновей возвращались государству. Таким образом, в Спарте начала формироваться настоящая частная собственность на землю. Это со временем повело к концентрации наделов в руках наиболее богатых граждан, в то время как беднейшие спартиаты лишались земли и, соответственно, выбывали из числа полноправных членов гражданского коллектива, становились из гомеев гипомейонами («опустившимися»). Трещала по швам и разваливалась прославленная спартанская «община равных»; социальное неравенство стало отныне в Лакедемоне таким же фактом, как и в остальных частях Греции.

Необходимо отметить два, на наш взгляд, достаточно значимых обстоятельства. Во-первых, Л.П. Маринович и Г.А. Кошеленко в недавней работе по спартанской проблематике этого времени²⁰ авторитетно и, на наш взгляд, аргументированно высказались в пользу того мнения, что в Спарте «первопричиной кризиса стал слом традиционной морали и традиционных норм поведения», принципиальные изменения в системе ценностей, появление нового типа политических лидеров, а не экономические факторы.

Во-вторых, в любом случае ситуация в Спарте была, скорее, исключением, чем проявлением общего правила. Ведь Спарта и сама по основным параметрам своего устройства была уникальным исключением в греческом мире. Искусственно законсервированный еще реформаторами архаической эпохи жесткий социальный строй, «ликургов космос», не мог удержаться навеки, он был обречен на то, чтобы рано или поздно рухнуть. Спарта должна была начать превращаться в «нормальный» полис. Теперь именно это и происходило, принимая подчас весьма болезненные для спартиатов формы. Что же касается большинства государств Греции, греческого мира в целом, то в нем проблема обезземеливания

²⁰ *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А.* Причины и обстоятельства падения «Ликургова строя» в Спарте // Проблемы истории, филологии, культуры. 2002. Вып. 13. С. 5–21; см. также: *Маринович Л.П.* К проблеме кризиса спартанского полиса // Античность в современном измерении. Казань, 2001. С. 104–106.

беднейших граждан, концентрации богатств в руках небольшого круга лиц, имущественного и социального расслоения если и существовала в IV в. до н. э. (а есть основания полагать, что в современной историографии масштаб этой проблемы несколько преувеличен), то была далеко не столь острой и, во всяком случае, не новой. Все эти процессы в эллинских городах, не считая Спарты, в той или иной форме существовали и ранее, что не препятствовало, однако, процветанию полисного строя. Очевидно, в IV в. до н. э. появились какие-то принципиально новые факторы, которые порождали системный кризис — ведь кризис классического полиса был именно системным кризисом, а не кризисом, проявлявшимся в каких-то отдельных аспектах общественной жизни.

Новые факторы, о которых идет речь, лежали, насколько можно судить, все-таки прежде всего не в экономической сфере. Здесь следует еще отметить, что, как неоднократно подчеркивалось крупнейшими представителями современной западной историографии античности²¹, экономика в Древней Греции и в целом не играла той определяющей, «базисной» роли, как, скажем, при капитализме, что она вообще не представляла собой отдельной сферы бытия, а была тесно, неразрывно связана с остальными сторонами жизни общества и государства, укоренена в них. Гораздо бóльшую, ключевую роль играла политика, являвшаяся своеобразным «стержнем» полиса²²; скорее уж, именно она определяла экономику.

Нам представляется, что истоки «кризиса IV века» наиболее оправданно искать как раз в политической сфере. Собственно, чем характеризуется любой системный кризис? Элементы, имманентно присущие системе, утрачивают прежнее содержание, перерождаются; системные связи между ними распадаются, что приводит к нарастанию общей энтропии. Поэтому для того, чтобы ответить на вопрос, в чем и как проявлялся кризис, необходимо вначале вспомнить, что было характерным для данной системы (классического полиса) в период ее устойчивого функционирования, в докризисную эпоху.

Ключевым элементом полисного типа общества и государственности, было, как известно, наличие сплоченного, замкнутого гражданского кол-

²¹ См., например: *Finley M.I. The Ancient Economy*. Berkeley, 1973. Passim; *Austin M.M., Vidal-Naquet P. Economic and Social History of Ancient Greece*. Berkeley, 1977. P. 8 ff.; *Snodgrass A. Archaic Greece: The Age of Experiment*. Berkeley, 1981. P. 123 ff.

²² *Murray O. Cities of Reason // GC*. P. 19.

лектива, противопоставленного своими привилегиями как прочим категориям населения, так и внешнему миру, гражданского коллектива, осуществляющего в своей совокупности верховную власть в полисе. Именно этот принцип в IV в. до н. э. начал серьезно подрываться. Если взять пример Афин, история которых лучше всего известна из источников, то оказывается, что отдельные лица, не являвшиеся гражданами, становятся в этом столетии значительно более влиятельными, чем прежде.

Так, не гражданами, а метэками в своем подавляющем большинстве являлись «банкиры»-траpezиты²³, а между тем они принадлежали к числу богатейших жителей Афин²⁴. Самый состоятельный из афинских траpezитов — Пасион — вообще был по происхождению вольноотпущенником. Хотя сами эти люди не могли непосредственно участвовать в политической жизни²⁵, они тем не менее активно и небезуспешно «лоббировали» свои интересы в народном собрании и других органах власти, используя материально зависимых от них политиков. Складывалась парадоксальная ситуация: гражданин, причем, влиятельный гражданин, служил своей деятельностью метэку²⁶, иногда — бывшему рабу²⁷.

В ходе кризиса IV в. до н. э. начинает распадаться такая важнейшая для классического полиса категория, как единство гражданского

²³ О них в целом см.: P. Amemiya T. *Economy and Economics of Ancient Greece*. L. — N.Y., 2007. 104 ff.

²⁴ См. о семьях этих банкиров: Cohen E.E. *Banking as a "Family Business": Legal Adaptations Affecting Wives and Slaves // Symposium 1990. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1991. S. 239–265.

²⁵ Впрочем, Пасион в конце концов, уже под старость, получил-таки права афинского гражданства.

²⁶ К. Моссе считает даже возможным говорить (на наш взгляд, чрезмерно категорично) о стирании в этот период грани между гражданами и метэками: Mossé C. *Métèques et étrangers à Athènes aux IVe — IIIe siècles avant notre ère // Symposium 1971. Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte*. Köln, 1975. S. 205–213.

²⁷ О тесной связи (временами доходившей до зависимости) ведущих афинских политиков IV в. до н. э. — Демосфена, Ликурга, Гиперида и др. — с траpezитами и крупными купцами см.: Mossé C. *La classe politique...* P. 75–76. Интересно, что К. Моссе считает исключением из этого правила Эсхина (личность и деятельность которого, кстати, в современной историографии подвергается переоценке по сравнению с более ранними исследованиями, слишком сильно зависевшими от суждений неприкрытого личного и политического врага Эсхина — Демосфена, — становится предметом более объективного анализа; см., например: Harris E.M. *Aeschines and Athenian Politics*. Oxf., 1995; Маринович Л.П. *Античная и современная демократия: новые подходы*. М., 2001. С. 95 слл., со ссылками на предшествующую литературу).

коллектива, полисная солидарность. Утрачивается чувство общности гражданина со своим государством, возрастает аполитичность, безразличие к судьбе родины. Нам именно этот процесс представляется одним из важнейших элементов кризиса, и вот почему. В ряде предшествующих работ²⁸ мы трактовали цивилизационную историю античной Греции как сосуществование и противостояние двух тенденций — коллективистской и индивидуалистической. В течение архаической эпохи эти тенденции постоянно боролись друг с другом, а в первый век эпохи классической — пришли в определенное равновесие, что и обусловило наступление «золотого века Эллады», расцвета полисной жизни, высшего взлета греческой культуры. А затем, в век кризиса, одна из названных тенденций — индивидуалистическая — стала слишком уж явно преобладать над другой, и чем дальше, тем больше. В конце концов она восторжествовала над коллективистской до такой степени, что это стало уже несовместимым с основными полисными принципами; баланс, на котором они зиждились, был подорван. Возник и начал расти роковой зазор, разделивший индивида и общину; были осознаны и стали предметом рефлексии противоречия между ними.

Появились люди (правда, пока их еще немного), которые демонстративно называли себя не гражданами того или иного конкретного полиса, а «гражданами мира» — космополитами. Не случайно само понятие космополитизма зародилось именно в Греции эпохи кризиса классического полиса. Насколько известно, первым определял себя как космополита известный философ-киник Диоген, что, кстати, закономерно: киническая школа едва ли не первой отразила проявления кризиса в общественной мысли, став в известном отношении предшественницей самых характерных философских течений эллинизма: Стои, эпикуреизма и др.

При этом если мыслителей, проповедовавших принципы космополитизма в теории, были на протяжении большей части IV в. до н. э. еще считанные единицы, то число греков, которые бессознательно следовали этим принципам на практике, демонстративно пренебрегали интересами родного полиса, возрастало и возрастало. А ведь космополитизм («Где лучше нам — там наше и отечество», как сказано у Аристофана в «Плутосе», комедии 388 г. до н. э.) всегда идет рука об руку с

²⁸ Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н. э. М., 2002. С. 22 слл.; *он же*. Остракизм в Афинах. М., 2006. С. 213 слл.; АГ-1. С. 48 слл.

индивидуализмом — в той же мере, в какой патриотизм неотрывен от коллективизма, от ощущения себя органичной частью некоего единого целого. Это-то ощущение, лежавшее в основе традиционной полисной этики, теперь и подрывалось.

Социум как бы «атомизировался», разрывался внутренними конфликтами, распадался на отдельные группы со своими особыми, корпоративными интересами, которые начинали заслонять интересы общие. Борьба между этими группами в ряде полисов приводила к кровавым столкновениям. Характерный и даже хрестоматийный пример: в Аргосе в 370 г. до н. э. беднейшие граждане устроили так называемый скитализм — массовое избиение богачей дубинами, в ходе которого погибло более тысячи человек, а их имущество было поделено между бедняками²⁹. В IV в. до н. э. Платон писал в трактате «Государство» (422e — 423a) о том, что в каждом полисе как бы «заключены два враждебных между собой государства: одно — бедняков, другое — богачей». Подчеркнем: перед нами не экономическая проблематика. Богатые и бедные граждане существовали в подавляющем большинстве полисов и ранее, но вплоть до эпохи кризиса между ними не ощущалось противостояния, или, по крайней мере, оно не приводило к подобным эксцессам, к борьбе «не на жизнь, а на смерть».

Состоятельные граждане афинского полиса в V в. до н. э., даже еще в его последней части, охотно шли на траты в пользу государства, видя в этом не в последнюю очередь укрепление собственного престижа. Достаточно вспомнить, с какой демонстративной щедростью и пышностью исполняли литургии Никий³⁰ или Алкивиад³¹. Теперь богачи изменили свою позицию. Система литургий, естественно, осталась, но

²⁹ Такова традиционная в историографии характеристика скитализма. Существует также точка зрения, согласно которой аргосский скитализм представлял собой не массовые революционные беспорядки, а организованный демосом против богачей судебный процесс (пусть и проведенный с нарушениями законности), в ходе которого подсудимым был вынесен смертный приговор, а орудиями казни послужили дубины. См.: Картюк С.Г. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 189–190. Автор этих строк, не ощущая себя достаточно компетентным в данном вопросе, не берется категорично судить, какое из двух мнений ближе к истине.

³⁰ Plut. Nic. 3: «Никий... принимал на себя хорегии, гимнасиархии и другие затраты, всех своих предшественников и современников затмевая щедростью и тонким вкусом и тем склоняя на свою сторону народ».

³¹ Суриков И.Е. Алкивиад: афинский денди или первый «сверхчеловек»? //ДВ. 5. Специальный выпуск: Историческая биография и персональная история. М., 2001. С. 207.

лица, на которых они возлагались, теперь уже без всякой готовности принимали на себя эти назначаемые полисом повинности, зачастую старались уклониться от них. Для этого они скрывали и занижали размеры своего богатства, иногда переводили его из земельной собственности, которую трудно было спрятать от сограждан, в деньги и т. п. Чтобы литургии все-таки исполнялись, властям приходилось прибегать к разного рода ухищрениям. Так, самая обременительная и дорогостоящая из литургий — триерархия — с 357 г. до н. э. осуществлялась не отдельными лицами, как прежде, а посредством так называемых симморий — специально созданных групп граждан³². Так было надежнее, хотя и система симморий, случалось, давала сбои.

И опять-таки подчеркнем: перед нами не экономическая проблема, во всяком случае, не только экономическая. Безусловно, следует учитывать и то, что состояния даже самых богатых афинян после Пелопоннесской войны стали меньше, чем были до нее (см. примеры: *Lys.* XIX. 46–48). Но в этом ли единственная причина изменения отношения к литургиям? Создается впечатление, что не менее важным было другое: богачи уже не желали делиться с согражданами и государством, не воспринимали более такие расходы как траты на «свое» и «своих». «Свое» было теперь ограничено для них рамками частной жизни и частного пространства. Перед нами — то же отчуждение индивида от полиса, которое выше нами было отмечено в других сферах общественного бытия.

* * *

Это отчуждение проявилось и в военной области³³. В период расцвета классического полиса служба в рядах ополчения воспринималась не только как обязанность, но и как священное право каждого гражданина. Теперь, в эпоху кризиса, отношение к воинской службе тоже меняется. Внутри гражданского коллектива все меньше находилось желающих терпеть тяготы участия в походах, тем более в

³² *Leppin H.* Zur Entwicklung der Verwaltung öffentlicher Gelder im Athen des 4. Jahrhundert v.Chr. // *AD.* S. 566 ff.

³³ Об изменениях в приемах ведения войны в IV в. до н. э. по сравнению с предшествующим столетием см.: *Dayton J.* 'The Athletes of War': An Evaluation of the Agonistic Elements in Greek Warfare. Diss. Brown Univ., 2003. P. 102 ff.; *Lendon J.E.* *Soldiers & Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity.* New Haven — L., 2005. P. 91 ff.

условиях, когда войны стали почти постоянными — а об этой особенности внешнеполитической истории IV в. до н. э. нам еще предстоит сказать. Соответственно, роль общеполисного ополчения в войске уменьшилась. Вместо воина-гражданина характерной фигурой стал воин-наемник.

Развитие наемничества в военном деле стало одной из чрезвычайно ярких, выпуклых черт греческой истории IV в. до н. э.³⁴ Отряды наемников комплектовались из людей, по какой-либо причине, добровольно или вынужденно, выпавших из полисных структур и завербовавшихся на службу к тому или иному полководцу. Именно со своим командиром, а не с государством они ощущали тесную связь. Эти люди сделали войну своей профессией; служить родному полису из патриотических соображений они не хотели или не могли, а вот за жалованье воевали охотно.

Безусловно, наемники, будучи солдатами-профессионалами, по своей выучке и боевым качествам значительно превосходили граждан-ополченцев, этих «воинов-любителей». Но в то же время их, как правило, отличали жестокость, беспринципность, полное преобладание своекорыстных мотиваций и, как следствие, готовность продать свои услуги всякому, кто больше заплатит, — в том числе даже если потребуются сражаться против своих же бывших сограждан. Большое количество греков-наемников находилось не только в рядах армий практически всех полисов Эллады, но и на службе негреческих, «варварских» правителей, особенно у персидского царя и его сатрапов: квалификация греческих воинов справедливо ценилась чрезвычайно высоко, и спрос на них был весьма велик. Интересно, что даже прославленный полководец, спартанский царь Агесилай Великий окончил свою жизнь наемным военачальником в Египте. Кстати, вся жизнь наемника, путешествующего по разным концам эллинского мира и за его пределы, вела к утрате полисных корней и, безусловно, способствовала выработке космополитического взгляда на вещи.

Недавно с ревизией общепринятых представлений о наемничестве в IV в. до н. э. как одном из важных симптомов кризиса классического

³⁴ Для изучения греческого наемничества IV в. до н. э. по-прежнему сохраняет большое значение монография: *Маринович Л.П.* Греческое наемничество... Книга была переведена на французский язык (*Marinović L.P.* Le mercenariat grec au IVe siècle avant notre ère et la crise de la polis. P., 1988), что демонстрирует ее важное место не только в отечественной, но и в мировой историографии.

полиса выступил швейцарский исследователь Л. Буркхардт³⁵. Изучив отмеченные в источниках случаи использования наемников в военных действиях Афин рассматриваемой эпохи, он пришел к выводу, что количество наемников было действительно значительным, но их применение ограничивалось определенными сферами. Так, в военных действиях на суше наемники использовались по большей части в качестве пелтастов (об этом роде войск см. ниже), а также для службы в отдаленных гарнизонах; гоплитами же, составлявшими фалангу, — а она по-прежнему оставалась основой армии, — были, как правило, члены гражданского коллектива, ополченцы.

Ученый не считает, что наемничество было фактором, который серьезно подрывал демократию и полисные институты: в Афинах IV в. до н. э. использование наемников во внутривагитической борьбе не зафиксировано. К тому же народное собрание сохраняло контроль над войском. В источниках нередко упоминаются об определяющем участии ополчения в той или иной кампании; нередко специально указывается, что поход осуществлялся *πανδημεί*, то есть, если трактовать эту лексему буквально, всем гражданским коллективом³⁶.

По мнению Л. Буркхардта, увеличение количества наемников объясняется, вопреки авторам — современникам событий (Исократу, Демосфену и др.), не ростом пассивности граждан, а иной причиной — общим возрастанием масштабов военных действий в IV в. до н. э., в ходе которого силы гражданского ополчения оказались недостаточными. Особенно ясно заметно это на примере флота. Огромные эскадры, снаряжавшиеся Афинами в IV в. до н. э., требовали количества гребцов, превышавшего общее количество афинских фетов (гребцами традиционно служили именно лица, принадлежавшие именно к этому имущественному классу). Катастрофическая нехватка живой силы и заставляла привлекать на флот чужаков — наемников, метэков, рабов. В канун эллинизма один отдельно взятый полис, как бы силен он ни был, уже не мог удовлетворять потребностям новых масштабов войн. В Ламийской войне 323–322 гг. до н. э. с Македонией афиняне выставили 170 судов, дойдя факти-

³⁵ *Burckhardt L. Söldner und Bürger als Soldaten für Athen // AD. S. 107–133.*

³⁶ Впрочем, мы не стали бы обязательно придавать слову *πανδημεί* в контекстах IV в. до н. э. строго-терминологического значения и делать на этой основе категоричные выводы.

чески до предела, возможного для полиса, — но македонский флот насчитывал 240 кораблей!

Что можно сказать по поводу вышеизложенной концепции? Ряд исходных положений Л. Буркхардта не вызывает никаких сомнений. Однако многие выводы, которые он делает из этих посылок, на самом деле отнюдь не вытекают напрямую из них. Автор рассматриваемой работы берет вопрос чрезмерно узко — как в географическом плане, так и в содержательном, в частности, неоправданно изолируя военную сферу человеческой деятельности от социально-политической и ментальной. Да и некоторые его наблюдения, как нам представляется, не вполне соответствуют фактам. В результате предлагаемые им построения порождают ряд серьезных недоумений и возражений, ответов на которые мы у Л. Буркхардта не находим.

Действительно, наемничество — исторический феномен³⁷, который отнюдь не рождается в Греции IV в. до н. э., и об этом необходимо помнить всем, кто занимается данной проблематикой. Значительно раньше, еще в архаическую эпоху, источники дают более чем достаточно упоминаний о греческих воинах-наемниках³⁸, в том числе и за пределами эллинского мира — от Лидии до Египта³⁹. Наемниками были поэт Архилох, брат поэта Алкея, брат поэтессы Сапфо, и др., и др. В V в. до н. э. этих «солдат удачи» вроде бы становится меньше (во всяком случае, в источниках), но они все равно встречаются, в том числе и в Афинах (на флоте, см., например, *Thuc. I. 143. 1–2*). А вот в эпоху кризиса классического полиса их число возрастает прямо-таки в огромной степени — в такой, на которой количественные изменения начинают уже переходить в качественные. Этот резкий рост, по мнению Л. Буркхардта, вызван исключительно повысившимся спросом на наемников и ничем иным. Но на самом деле, конечно, тут не могло обойтись без

³⁷ Одна из последних работ о феномене греческого наемничества в целом: *Trundle M. Greek Mercenaries: From the Late Archaic Period to Alexander. L. — N.Y., 2004.*

³⁸ См., например: *Александров М.А. Наемники на службе у тиранов в архаическую эпоху (VIII–VI вв. до н. э.) // Античный полис: Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. СПб., 1995. С. 28–40.*

³⁹ Один из самых экзотических памятников, оставленных самими этими наемниками, — знаменитая надпись 591 г. до н. э. (*Meiggs R., Lewis D. A Selection of Greek Historical Inscriptions to the End of the Fifth Century B.C. Revised ed. Oxf., 1989. P. 12. No. 7*), сделанная ими на ноге колоссальной статуи Рамсеса II в Абу-Симбеле; содержание надписи, впрочем, сводится к банальному «здесь были такие-то и такие-то».

определенных внутренних причин; в первую очередь имеем в виду отмеченный выше процесс отчуждения индивида от гражданского коллектива, его выпадения из полисных структур.

В IV в. до н. э. наемник впервые превращается в *типичную* фигуру, характеризующую эпоху, становящуюся ее воплощением. Подчеркнем: сказанное ни в коем случае не следует понимать в том смысле, что наемники совершенно вытеснили граждан из военного дела. Никто никогда не утверждал и не утверждает (да это было бы и нелепо), что на полях сражений в это время действуют *одни только* наемники; полемизировать против этого положения — значит сражаться с ветряными мельницами. Пока в Греции существовал полис, пока он был хотя и в кризисе, но еще не погиб, — ополчение граждан, один из «китов» полисных структур, естественно, оставалось основной силой в войнах. Дело в другом: не только и не столько в том, какова была чисто количественная доля наемников, сколько в том, где, на каких местах мы их обнаруживаем. И оказывается, что на таких местах, которые в наибольшей степени «смотрели в будущее», являлись средоточием прогресса в военном деле. Речь идет прежде всего об отрядах пелтастов.

Л. Буркхардт отмечает, что наемники не подрывали полисные принципы, поскольку они не использовались во внутривитической борьбе. Допустим, в Афинах не использовались. А в других полисах? Во многих местах в IV в. до н. э. именно «на штыках» наемников к власти пришли тираны, и это обстоятельство никак не следовало бы забывать. Да и в самих Афинах (правда, чуть позже, около 300 г. до н. э.) тираном стал Лахар, беотийский наемник и командир отряда наемников⁴⁰.

К тому же не только прямым участием в государственных переворотах наемники подрывали полисные принципы. Сам образ их бытия, «анти-полисный» по существу и при этом приносивший значительные доходы, оказывался заманчивым для многих других греков, оказывал соответствующее влияние на ментальные структуры.

С тем, что афинский флот в IV в. до н. э. был больше, чем в предшествующем столетии, в эпоху Архэ, — никак не можем согласиться. Уже в Саламинской битве эскадры, предоставленная афинянами, насчитывала 180 кораблей (Herod. VIII. 44). Для периода Пентеконтаэтии неоднократно отмечаются источниками направляемые для той иной кампании флоты в 200 и больше судов — под командованием Кимона

⁴⁰ Хабихт Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С. 86.

в 460-х гг. до н. э. (Diod. XI. 60), в египетской экспедиции 460–454 гг. до н. э. (Thuc. I. 104. 2) и др. На момент начала Пелопоннесской войны, по указанию Фукидида, современника и свидетеля событий, «из числа боевых кораблей на плаву было 300 триер» (Thuc. II. 13. 7). Естественно, чтобы комплектовать столь крупные военно-морские силы гребцами, и в V в. до н. э. приходилось отчасти прибегать к услугам наемников.

Наконец, в рамках концепции Л. Буркхардта остается так и не решенной проблема, связанная с отношением к наемничеству авторов IV в. до н. э., на чьих глазах феномен обретал свою окончательную форму. Эти авторы единодушно трактуют его распространение как однозначно негативную характеристику эпохи, как фактор, серьезно подрывающий устои подлинного бытия. Что же, перед нами некая коллективная аберрация? Чем в таком случае она могла бы быть вызвана? И если все без исключения современники описываемых процессов ошибались, то откуда у нас такая уверенность, что мы, в отличие от них, адекватно постигаем историческую истину (опираясь, кстати сказать, на данные тех самых «заблуждавшихся» авторов)?

Широкое внедрение наемничества породило, помимо прочего, перемены в самой практике военного дела. Что ни говорить, а в новую эпоху реже, чем в предыдущую, исход сражений определяло столкновение гоплитских фаланг, набравшихся из воинов-граждан⁴¹. Появился новый род войск — пелтасты (средневооруженная пехота). Пелтаст отличался как от гоплита, так и от традиционного легковооруженного воина (гимнета). Его экипировка включала небольшой кожаный щит в форме полумесяца (пелту), легкий полотняный панцирь, дротик, ударное копье и длинный меч. Начало широкого применения пелтастов связано с деятельностью выдающегося афинского полководца начала IV в. до н. э. Ификрата; это произошло в ходе Коринфской войны 395–387 гг. до н. э. и практически немедленно принесло ощутимые результаты в столкновениях со спартанцами. Пелтасты, отряды которых комплектовались в основном из наемников, отличались значительно большей мобильностью, маневренностью и управляемостью, нежели гоплиты (как раз недостаточное развитие этих качеств было слабым местом гоплитской фаланги), и в ряде боевых ситуаций (действия на пересеченной местности, штурм укреплений и т. п.) оттеснили фалангу на второй план.

⁴¹ Это верно уже для Пелопоннесской войны. Многие ли из ее ключевых сражений велись фалангами?

Приход пелтаста на смену гоплиту⁴² — это тоже в известной степени символическое явление, отражавшее распад единства гражданского коллектива полиса. Ведь это бывшее единство, этот коллективизм ни в чем лучше не воплощались, чем в сомкнутом строе фаланги, где всякий знал свое место, где господствовали равенство и взаимная поддержка, где главными необходимыми качествами были дисциплина и сплоченность⁴³. Пелтаст в своих действиях имел, разумеется, несравненно больше индивидуальной свободы, возможности проявить инициативу, нежели гоплит.

★ ★ ★

Во внешнеполитической сфере «кризис IV века» проявлялся в распаде всей системы межполисных отношений. Ранее нам приходилось писать⁴⁴, что в мире греческих полисов боролись друг с другом две тенденции в межгосударственной жизни: центробежная и центростремительная, партикуляристская и объединительная («империалистическая»). Первая коренилась в характернейших для полиса принципах автономии и автаркии (то есть политического и экономического суверенитета), вторая — в раннем осознании Эллады как этнокультурного единства с общей историко-цивилизационной судьбой, а также в стремлении некоторых наиболее сильных греческих государств поставить более слабые под свой контроль, в борьбе со своими соперниками добиться первенства, гегемонии. Тенденции партикуляризма и «империализма» на уровне межполисных отношений можно, несколько упрощая, соотнести соответственно с тенденциями индивидуализма и коллективизма на уровне отдельного полиса.

В ходе IV в. до н. э. выявилась и к середине этого столетия стала вполне ясной несостоятельность притязаний какого-нибудь одного полиса (будь то Спарта, Фивы, Афины) на гегемонию во всей Греции. «Монополярного мира» в Элладе не получилось; в лучшем случае речь

⁴² Разумеется, нельзя говорить о полном вытеснении пелтастами гоплитов, которых и в IV в. до н. э. оставалось достаточно много. См.: *Meißner B. Krieg und Strategie bei den Griechen // Seminari Romani di cultura Greca. 2002. Vol. 5. Fasc. 1. P. 107–135.*

⁴³ Хороший очерк способа сражаться, применяемого гоплитскими фалангами, см.: *Hanson V.D. Hoplite Technology in Phalanx Battle // Hoplitcs: The Classical Greek Battle Experience. L., 1993. P. 63–84.*

⁴⁴ АГ-1. С. 64–67.

могла идти о статусе крупных региональных держав. Греческий мир превратился в скопище больших и малых государств, почти постоянно воюющих друг с другом. Для внешнеполитической ситуации был характерен нарастающий хаос; старинные, веками выработанные институты урегулирования конфликтов в новых условиях оказывались несостоятельными⁴⁵.

Яркую картину этих новых условий рисует Ксенофонт в самом конце «Греческой истории» (VII. 5. 26–27), описывая положение после битвы при Мантинее 362 г. до н. э.: «Эти события привели, таким образом, к последствиям, прямо противоположным тем, которые ожидалась всеми людьми. Здесь собралась вместе почти вся Греция и выступила с оружием в руках друг против друга; все ожидали, что если произойдет сражение, то те, которые победят, получат в свои руки власть над Грецией, а побежденные подчинятся им. Однако по воле божества случилось так, что обе стороны, как победители, поставили трофей, и ни те, ни другие не в силах были воспрепятствовать противникам сделать это; обе стороны, как победители, выдали противникам трупы, заключив для этого перемирие, и обе же стороны, как побежденные, согласились на это. Далее, обе стороны утверждали, что они победили, и тем не менее ни одна из сторон не приобрела после этой битвы ни нового города, ни лишней территории или власти по сравнению с тем, что она имела до этого боя. Это сражение внесло еще большую путаницу и замешательство (ἀκρίσια δὲ καὶ ταραχή) в дела Греции, чем было прежде».

Иными словами, из двух выше отмеченных тенденций межполисной жизни, центростремительной и центробежной, всецело возобладала последняя. Претензии крупнейших центров силы на полную и безоговорочную победу друг над другом потерпели крах; в этой обстановке практически каждый, даже самый незначительный полис всеми силами держался за собственную независимость, и в результате все эти государства из десятилетия в десятилетие истощали себя и соседей непрерывными войнами. На руку такое положение было, безусловно, только Персии. Особенно после Анталкидова мира 387 г. до н. э. держава Ахеменидов имела колоссальный авторитет в кругу эллинских полисов, и, пожалуй, она не воспользовалась в полной мере

⁴⁵ Это наметилось уже в период Пелопоннесской войны: Connor W.R. Thucydides. Princeton, 1984. P. 98.

ослаблением греческого мира и не установила в нем свое господство лишь потому, что сама в середине IV в. до н. э. переживала серьезные внутренние трудности — череду дворцовых переворотов, сепаратистские устремления наместников многих периферийных областей (особенно в Малой Азии, где даже вспыхнуло так называемое «Великое восстание сатрапов») и т. д.

Давая общую характеристику кризиса IV в. до н. э., следует отметить его комплексный характер: кризисные явления поразили саму сущность классической полисной цивилизации, сказались буквально на всех ее сторонах. Это, повторим, был воистину системный кризис. Складывается полное впечатление, что теперь перед нами вместо системы относительно уравновешенной, стабильной, как было до Пелопоннесской войны, — система «разладившаяся», разбалансированная и в силу этого крайне неустойчивая, уязвимая к любым потрясениям, внутренним и внешним. Имеем в виду и полис как систему, и систему полисов.

Был ли рассматриваемый здесь кризис, как считает Я. Печирка, не столько болезнью упадка, старения, сколько — при всей остроте и тяжести его проявлений — болезнью роста? Затруднимся дать однозначный ответ на этот вопрос. Безусловно, любой кризис в потенции несет в себе возможность не только негативной, но и позитивной динамики (хотя эта последняя возможность не всегда реализуется). Собственно, в том-то и особенности кризиса как процесса, что из него есть два альтернативных выхода: гибель или «выздоровление», причем в социальных организмах последнее обычно сопровождается выходом на новый качественный уровень. В конце концов, формирование греческого полиса в эпоху архаики тоже имело кризисный характер⁴⁶. Это было очень непростое время, перемены оказывались острыми и болезненными, даже мучительными. Отнюдь не от хорошей жизни греки отправлялись в колонии, требовали проведения законодательных реформ, приводили к власти тиранов... Даже в мировоззрении архаических эллинов, начиная с Гесиода, преобладал пессимизм. А результатом «первого кризиса полиса» стало рождение этого полиса, как уникальной, способной на беспрецедентные успехи формы социально-политической организации.

Что можно сказать под данным углом зрения о IV в. до н. э.? Во всяком случае, ясно одно: греческое общество все в большей степени пере-

⁴⁶ Ср.: АГ-1. С. 74.

растало узкие полисные рамки, которые переставали соответствовать новым историческим условиям. По всей видимости, мирок небольших городов-государств, в основе которых лежали гражданские общины, оказывался несостоятельным в обстановке развития межполисных связей, прогрессирующего осознания этнокультурного единства Эллады. Многие говорили о том, что классический полис в чистом виде изжил себя, что необходим переход к качественно новому, более крупному и широкому типу социально-политического объединения. Назревал «предэллинизм» — от этой категории⁴⁷ мы пока не считаем резонным отказываться, несмотря на то, что в последнее время по ее адресу было выпущено немало критических стрел.

А в то же время в реальной жизни, как мы видим, почти каждый полис противился объединительным тенденциям, отстаивая собственную самостоятельность⁴⁸. Полис как феномен как бы стремился вырваться за пределы себя самого — и не мог этого сделать. К тому же были совершенно неясны, даже в самых общих контурах, формы потенциального объединения. Будет ли оно равноправным или же гегемониальным, с ведущей ролью какой-то одной силы? Насколько глубоким оно окажется, приведет ли к созданию единого государства или ограничится статусом союза полисов? Далее, каковы будут его конкретные цели? Ведь объединяться просто ради объединения в Греции никто бы не стал. Наконец, кто возглавит объединительное движение в условиях, когда предыдущие попытки установить гегемонию потерпели фиаско и скомпрометировали себя? Все эти вопросы были в высшей степени актуальными, животрепещущими, и на них предстояло ответить начинающемуся этапу общественного развития.

⁴⁷ Ее последний по времени анализ: *Габелко О.Л.* Еще раз о проблеме «предэллинизма» // *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире.* Казань, 2009. С. 171–181.

⁴⁸ Весьма вероятно, что такое поведение малых полисов в IV в. до н. э. было естественной реакцией на положение, существовавшее на протяжении большей части предшествующего столетия, когда малому полису не находилось места в мире крупных гегемониальных симмахий, как Афинская архэ или Пелопоннесский союз, когда автономия этого малого полиса последовательно урезалась и тем самым полисные принципы тоже по-своему ущемлялись (ср. об этом: *Eder W.* *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Krise oder Vollendung?* // *AD.* S. 18). «Пресытившись» чужим главенством, в форме которого проявлялись объединительные тенденции, малые полисы теперь особенно болезненно относились к возможности его возобновления.

На волне кризиса, в обстановке нестабильности и смут в ряде греческих государств IV в. до н. э. вновь появилось такое явление, как тирания, казалось бы, окончательно отошедшая в прошлое уже на рубеже архаической и классической эпох. Удачливые военачальники, «сильные личности», зачастую — командиры наемников, опираясь на свои отряды⁴⁹, захватывали единоличную власть и в ходе своего правления старались «железной рукой» навести порядок, сгладить внутренние конфликты, по возможности разрешить или хотя бы смягчить существующие противоречия между различными слоями населения.

Тиранические режимы этого периода в науке часто объединяют под названием Младшей тирании, чтобы отличать их от внешне схожих, но по сути своей глубоко иных режимов VII–VI вв. до н. э. (Старшей тирании). Как последняя сопутствовала процессу складывания классического полиса, так Младшая тирания стала одним из компонентов его кризиса и в то же время попыткой найти выход из этого кризиса. Сказанное следует подчеркнуть и вообще подробнее раскрыть вопрос об определении Младшей тирании как феномена (этот вопрос был кратко и мимоходом затронут нами в другом месте⁵⁰, а теперь самое время рассмотреть его в деталях).

В антиковедении деление всех древнегреческих тиранических режимов на Старшую тиранию и Младшую тиранию устоялось уже с давних пор⁵¹. Это деление является вполне корректным, более того, весьма продуктивным в научном плане: с его введением появилась возможность провести четкую грань между двумя явлениями, как мы уже говорили, обманчиво похожими, но в действительности принципиально разнящимися друг от друга. Чрезвычайно важный момент: нельзя говорить о какой-то абстрактной греческой тирании, просто «полисной тирании». Есть Старшая тирания и Младшая тирания; любой конкретный тиранический режим в эллинском мире может и должен быть отнесен либо к той, либо к другой. *Tertium non datur.*

⁴⁹ Ср.: *Trundle M. Money and the Great Man in the Fourth Century BC: Military Power, Aristocratic Connections and Mercenary Service // AT. P. 65–76.*

⁵⁰ АГ-1. С. 157. Прим. 9.

⁵¹ Как минимум со времен книги: *Plass H.G. Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen. Bremen, 1852.*

Но вот как раз по вопросу об отнесении того или иного режима к Старшей или Младшей тирании следует отметить: когда об этом заходит речь в исследовательской литературе, подчас происходит незаметная подмена критерия, а это, в свою очередь, задает неверный типологический контекст. Поясним свою мысль. Единственно верным критерием в данной ситуации может быть только критерий стадийный. Акцентируем еще раз: тирании, появившиеся в Греции в период складывания классического полиса, должны быть включены в категорию Старшей тирании, а те, которые возникли в связи с кризисом классического полиса, — в категорию Младшей.

В теории с этим, наверное, согласятся все. Однако на практике в историографии стадийный критерий нередко уступает место чисто хронологическому, в рамках которого под Старшей тиранией понимают тиранические режимы архаической эпохи, под Младшей — все те тиранические режимы, которые существовали в IV в. до н. э. (и позже)⁵². Определенные психологические основания для такого подхода имеются. При рассмотрении истории древнегреческой тирании в ее целостности и в диахронном аспекте сразу бросается в глаза ее деление на два больших этапа, разграниченных своего рода «антрактом» — периодом, когда тиранических режимов в Греции почти не было⁵³. «Антракт», о котором идет речь, приходится на «золотой век Эллады», на V в. до н. э., а если быть совсем точным — на вторую половину этого столетия. И в связи с данным обстоятельством, действительно, возникает большой соблазн отнести все тирании, имевшие место до «антракта», к Старшей тирании, а все, имевшие место после него, — к Младшей. Так обычно и делают. Но, не будем забывать, перед нами все-таки подмена критерия, сознательный или бессознательный прием, порождающий в известной мере формальную, упрощенную и поверхностную картину исторической действительности.

Если же строго и неуклонно придерживаться не хронологического, а стадийного критерия, обращая внимание не на датировки, а на сущность явления, то тирании IV в. до н. э. предстают довольно-таки сложным и неоднородным конгломератом. Некоторые из них

⁵² Нам представляется, что подобная тенденция характерна, в частности, для исследований Э.Д. Фролова, которому принадлежат наиболее фундаментальные в отечественной науке работы о Младшей тирании: *Фролов Э.Д. Греческие тираны (IV в. до н. э.)*. Л., 1972; *он же*. Сицилийская держава Дионисия. Л., 1979.

⁵³ *Берве Г. Тираны Греции*. Ростов-на-Дону, 1997. С. 236.

действительно возникли в контексте кризиса классического полиса и могут на основании этого смело, без каких-либо сомнений быть отнесены по стадийному критерию к Младшей тирании. Таковы, бесспорно, режимы Дионисиев в Сиракузах, Клеарха и его преемников в Гераклее Понтийской и др.

Но в то же время есть в IV в. до н. э. и такие тиранические режимы, которые, как это ни покажется парадоксальным, должны по стадийному критерию быть отнесены все-таки к Старшей тирании. Они имели место в тех регионах греческого мира, которые можно определить как периферийные (разумеется, не в географическом, а в цивилизационном смысле) и относительно отсталые, в которых темпы политического развития были замедленными по сравнению с передовыми областями Эллады. Возьмем, например, фессалийских (знаменитого Ясона, Александра Ферского и др.) или фокидских (Ономарха, Филомела) тиранов этого времени. Возможно ли утверждать, что в Фессалии и Фокиде в IV в. до н. э. шли процессы кризиса полиса? Думается, вряд ли кто-нибудь возьмется отстаивать этот тезис. Если рассматривать положение названных регионов с точки зрения истории полисной государственности, мы оказываемся перед достаточно очевидным фактом: в силу ряда причин⁵⁴ в то время как полисные структуры в ряде других мест вступали в полосу кризиса, фессалийцы и фокидяне, скорее, находились на этапе формирования классического полиса. Насколько можно судить, у них это формирование так никогда и не завершилось в полной мере, оказалось оборванным, но тут сыграли роль конкретно-исторические обстоятельства, прежде всего установление македонской гегемонии (Фессалия и Фокида как раз были в числе первых жертв Филиппа II) и все последовавшие за этим события, повлекшие переход к эллинизму.

Выскажем мысль, которая может показаться спорной: нам представляется, что Младшая тирания могла появиться только в таких полисах, которые до того уже пережили Старшую — как необходимое условие. Дело в том, что (привлечем здесь внимание к одному фактору идейной жизни IV в. до н. э., который представляется нам релевантным) Младшая тирания являлась феноменом эксплицитно рефлексированным. Ее представители, судя по всему, вполне сознательно заботились

⁵⁴ Которые сами по себе представляют значительный интерес, к тому же недостаточно исследованы в науке, но здесь не могут быть рассмотрены: это увело бы нас слишком далеко в сторону от основной тематики книги.

об идеологическом, теоретическом обосновании своих режимов. Эти тираны, как правило, были высокообразованными людьми. Оба Дионисия постоянно общались с философами, занимались литературным творчеством; Клеарх перед тем, как захватить власть в родном полисе, учился у Платона и Исократа.

В противоположность этому, Старшая тирания — феномен «первичный», еще не подверженный специальной рефлексии. Она, бесспорно, имела свою идеологию. Но эта идеология, во-первых, была еще имплицитной, не становилась формой открытого дискурса и ныне подлежит реконструкции, да и то во многих компонентах гипотетической⁵⁵; во-вторых, что еще более важно, в данном случае речь следует вести не о какой-то идеологии, специфичной именно для архаических тиранов, а об общеаристократическом идеологическом комплексе.

А идеология представителей Младшей тирании имела к этому комплексу уже только довольно опосредованное отношение, поскольку они сами были весьма сомнительными аристократами. А, с другой стороны, нет никакого сомнения, что им была прекрасно известна деятельность своих отдаленных предшественников — архаических тиранов, и они во многом намеренно ориентировались на эти образцы, подражали им (или, наоборот, отталкивались от этих образцов). Представителям же Старшей тирании подражать было некому — разве что легендарным героям.

Этот экскурс потребовался нам для того, чтобы сформулировать принципиальный тезис: не все тиранические режимы IV в. до н. э. стадийно-типологически принадлежали обязательно к Младшей тирании. Или, если выразить ту же мысль несколько иначе: режимы, стадийно-типологически относящиеся к Старшей тирании, могли возникать не только в эпоху архаики, но и позже, — все зависело от темпов развития того или иного полиса или региона.

Далее речь пойдет о различных тиранах IV в. до н. э.: как «позднеклассического», так и «архаического» типа. Впрочем, в живой реальности эпохи, в греческом мире, все более сплывающемся общностью исторической судьбы, в действиях и тех и других не могли не проступать в значительном количестве схожие черты. Некоторые ти-

⁵⁵ См. к этой реконструкции: *Макаров И.А.* Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. № 2. С. 25–42; *Андреев Ю.В.* Тираны и герои. Историческая стилизация в политической практике старшей тирании // ВДИ. 1999. № 1. С. 3–7; *Туманс Х.* Идеологические аспекты власти Писистрата // ВДИ. 2001. № 4. С. 12–45.

раны этого столетия достигали значительных успехов: судя по всему, их субъективные намерения во многом совпадали с объективными потребностями эпохи. Для их деятельности были характерны централистские, объединительные тенденции, попытки распространить свою власть за пределы одного полиса. Это ярко видно, в частности, на примере династии тиранов города Феры в Фессалии.

Фессалия, отстававшая по темпам развития от передовых регионов греческого мира, довольно поздно вышла на историческую арену и стала играть видную политическую роль, несмотря на то, что размеры, экономические ресурсы, военная сила названной области были весьма значительными в масштабах Эллады. Типично фессалийскими реалиями являлись всецелое преобладание в экономике сельского хозяйства, в особенности высокоспециализированного скотоводства (здесь выращивались лучшие в Греции кони), и малое значение торгово-ремесленных отношений, широкое применение в сельскохозяйственном труде архаичных форм зависимости (основной рабочей силой были пенесты, потомки завоеванного местного населения), в социально-политической жизни — полное засилье аристократии. В государственном отношении Фессалия представляла собой рыхлый союз полисов, да и то каких-то «недоразвитых», недооформившихся⁵⁶; одним из них и были Феры. Периодически (но далеко не всегда) фессалийскими аристократами избирался из своей среды глава союза — таг, обладавший функциями верховного главнокомандующего.

Первым получившим широкую известность тираном Фер был Ясон, пришедший к власти в 380-х гг. до н. э. Укрепляя собственное положение, он постепенно подчинил своему влиянию всю Фессалию и в 374 г. до н. э. стал тагом. Ясон даже претендовал на гегемонию в Греции, подумывал о походе на персов, но в 370 г. до н. э. был убит в результате заговора, что, впрочем, не привело к ликвидации тирании. Из преемников Ясона наиболее известен его племянник Александр Ферский (правил в 369–358 гг. до н. э.), который также претендовал на власть над Фессалией, держал под своим контролем ряд фессалийских городов, но при этом вызывал у аристократов неприязнь своей крайней жестокостью. Именно как воплощение жесточайшего тирана-самодура он главным образом и вошел в историю. В конце концов Александр тоже стал жертвой заговорщиков.

⁵⁶ В сущности, государственное устройство Фессалии находилось на грани между полисом и другой характерной для Греции формой — этносом.

Еще более могущественным, чем правители Фер, был тиран Сиракуз Дионисий Старший, которого по справедливости следует назвать крупнейшим представителем как Младшей тирании, так и тирании IV в. до н. э. (выше мы видели, что эти два понятия нельзя считать вполне совпадающими, хотя в значительной степени они и «накладываются» друг на друга). Деятельность Дионисия хорошо освещена как в источниках, так и в современной историографии, и потому мы остановимся на ней лишь достаточно кратко.

Сиракузы еще с архаической эпохи были, бесспорно, крупнейшим политическим центром греческой Сицилии. Значительный вклад в их развитие и усиление внесла Старшая тирания, представленная здесь династией Дейноменидов⁵⁷. После свержения в 466 г. до н. э. Фрасибула, последнего монарха из этой династии, в Сиракузах установилось демократическое правление⁵⁸. Сиракузская демократия⁵⁹, приобретающая со временем весьма развитые формы, имела ряд черт несомненного сходства с современной ей афинской. В частности, в 454 г. до н. э. для предотвращения концентрации власти в руках наиболее влиятельных политических лидеров, что могло повести к возрождению тирании, была введена процедура петализма (временного изгнания из полиса), напрямую скопированная с афинского остракизма (Diod. XI. 86–87)⁶⁰. Правда, в отличие от последнего, который функционировал в Афинах почти столетие, петализм вскоре после учреждения был сочтен неэффективной и вредной мерой и законодательно отменен.

В эпоху демократии, продолжавшуюся до конца V в. до н. э., сиракузский полис, в котором вообще индивидуалистические тенденции

⁵⁷ Подробное изложение правления Дейноменидов см.: *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху (Ранняя греческая тирания конца VII — середины V в. до н. э.) СПб., 2004. С. 150–258.

⁵⁸ Насколько можно судить, прямое перерастание Старшей тирании в Младшую в греческом мире было невозможно, во всяком случае, такой процесс нигде не фиксируется. Между двумя этапами истории тирании обязательно имелась демократическая или олигархическая «интерлюдия».

⁵⁹ О ней см.: *Rutter N.K.* Syracusan Democracy: 'Most Like the Athenian?' // *AltA*. P. 137–151; *Robinson E.W.* Democracy in Syracuse, 466–412 BC // *Ancient Greek Democracy: Readings and Sources*. Oxf., 2004. P. 140–151.

⁶⁰ Подробнее о петализме см.: *Суриков И.Е.* Остракизм в Афинах... С. 443 слл.

всегда были очень сильны, почти постоянно разрывался ожесточенной политической борьбой между соперничающими группировками граждан. Впрочем, в годину внешней опасности, нависавшей над всем государством, конкурирующим политикам порой удавалось, на время отложив разногласия, сплотиться в интересах общего дела. Лучшее всего это показала, конечно же, оборона города в 415–413 гг. до н. э., когда на одном из этапов Пелопоннесской войны Сиракузы стали объектом крупномасштабной афинской экспансии (сицилийская экспедиция)⁶¹. Сиракузяне успешно выдержали длительную осаду со стороны огромного афинского флота и войска, а в конечном счете (пусть и со спартанской помощью) нанесли противнику сокрушительное поражение. Это подтвердило положение Сиракуз как одной из ведущих в военно-политическом отношении сил античного Средиземноморья, естественного лидера сицилийских греков.

Однако почти сразу после столь большого успеха вновь резко обострилось внутривосточное положение в полисе; борьба группировок приобретала все более ожесточенные формы. Сиракузская демократия переживала кризис⁶², и это усугублялось серьезной карфагенской угрозой. Карфаген в конце V в. до н. э. начал — уже не в первый раз — активное наступление на греческие города Сицилии. В 409 г. до н. э. в руки карфагенян попал Селинунт, фактически уже давно оказавшийся под их влиянием; в 406 г. до н. э. ими был захвачен один из крупнейших политических и экономических центров острова — Акрагант. Опасность становилась все более реальной и для самих Сиракуз, которые к тому же в силу своего положения как крупнейшего греческого полиса Сицилии не могли не ощущать моральный долг возглавить борьбу живущих в регионе эллинов против варварского нашествия. Однако сиракузское войско потерпело в борьбе с карфагенским ряд поражений, что повело к новому витку внутренней смуты.

⁶¹ Лучшее в мировой историографии изложение хода сицилийской экспедиции Афин: *Kagan D. The Peace of Nicias and the Sicilian Expedition. Ithaca, 1981.*

⁶² Обратим внимание на весьма характерную деталь. Демократические Афины вступили в полосу кризиса, потерпев поражение в Пелопоннесской войне; демократические Сиракузы стали жертвой аналогичного кризиса, одержав громкую победу. Это лишнее раз демонстрирует, что кризис в том или ином полисе имел не случайный характер, а являлся проявлением общей закономерности, обусловленной глубокими внутренними причинами и не зависящей от внешних, конкретных обстоятельств.

Нарастали автократические тенденции. Вначале их выразителем стал влиятельнейший из сиракузских граждан, выдающийся полководец и герой Пелопоннесской войны Гермократ (блистательная фигура, типологически во многом напоминающая Алкивиада). А когда Гермократ погиб в уличной стычке в 407 г. до н. э., «эстафету» у него перенял один из его сподвижников — молодой Дионисий. Властолюбивый и исключительно целеустремленный, пользовавшийся популярностью в среде сиракузского демоса, он даже военные неудачи сумел обратить в свою пользу. После падения Акраганта Дионисий добился отстранения от власти в полном составе коллегии стратегов, возглавлявшей полисное ополчение, и сам оказался в числе избранных на их место. Впоследствии, укрепив свое влияние в армии, он получил полномочия стратега-автократора, то есть единоличного верховного главнокомандующего вооруженными силами. Вскоре после этого, в 405 г. до н. э., он, набрав отряд наемников, осуществил государственный переворот в Сиракузах, ликвидировал демократию и сконцентрировал в своих руках единоличную власть, став тираном (впрочем, официально Дионисий, насколько известно, носил титул архонта).

В течение своего многолетнего правления (он удерживал власть вплоть до своей кончины в 367 г. до н. э.) Дионисий четыре раза вел войну против Карфагена. На первых порах тиран добился впечатляющих успехов, почти полностью вытеснив карфагенян с Сицилии и распространив собственный контроль на освобожденные от них земли. Правда, позже, после ряда неудач на полях сражений, часть отвоеванных территорий пришлось вернуть, но и после этого под властью Дионисия осталось около половины острова. Создавая крупную региональную державу надполисного типа⁶³, сиракузский правитель вел активную внешнюю политику не только на самой Сицилии, но также и в других близлежащих областях. Так, он осуществлял активное проникновение в населенную греками Южную Италию, и ему удалось включить ряд находившихся там городов (Кротон, Регий, Локры Эпизефирские) в состав своих владений. Влияние Дионисия в период его наибольшего усиления простиралось и на бассейн Адриатическо-

⁶³ Государственные образования такого типа в западной историографии часто называют «территориальными державами»; в последнее время этот термин получил распространение и в отечественном антиковедении. Он представляется нам не оптимальным (в самом деле, бывают ли не-территориальные державы?), но за неимением лучшего приходится им пользоваться.

го моря, где тиран основал свои опорные пункты. Он был и в целом одним из самых влиятельных участников межполисных отношений в эллинском мире: поддерживал дружественные связи со Спартой, Афинами и другими важнейшими государствами Балканской Греции.

Внутренняя политика Дионисия была типична для Младшей тирании и связана с попытками найти выход из кризиса классического полиса. Он при необходимости не чуждался откровенного насилия, казнил и изгонял своих политических противников, конфискуя их имущество. Свое могущество он основывал прежде всего на отрядах наемников, которые получали от него щедрые награды — права гражданства, земельные наделы и т. п. С другой стороны, Дионисий создавал, по крайней мере, видимость функционирования органов полисного самоуправления в Сиракузах, улучшал положение рабов, на время избавил государство от гражданских конфликтов. В результате положение тирана стало весьма прочным и стабильным, с его фактически единоличной властью мирились все слои гражданского коллектива.

В правление Дионисия значительно укрепилась военная мощь Сиракуз. Он располагал самой многочисленной в тогдашнем греческом мире армией, состоявшей как из наемных контингентов, так и из ополчения граждан. При нем в Сиракузах была сооружена грандиозная, не имевшая себе равных система оборонительных укреплений; еще спустя века после этого она оставалась, без преувеличения, лучшей в Средиземноморье. Сильным и прекрасно технически оснащенным был флот Дионисия, в котором, кажется, впервые в истории античного военного дела появились, наряду с традиционными триерами, пентеры — корабли с пятью рядами весел. При штурме вражеских городов стало применяться метательное оружие — катапульта, изобретенная, по некоторым сведениям, самим Дионисием.

Дионисий, насколько о его личности известно из источников, был талантливым и прекрасно образованным человеком, понимавшим роль культуры в жизни общества и стремившимся использовать ее для упрочения своего престижа. Он превратил Сиракузы в крупный культурный центр, активно приглашал к своему двору видных мыслителей и поэтов, сам сочинял драмы⁶⁴. В 389–387 гг. до н. э., как известно, Дио-

⁶⁴ О его литературном творчестве см.: *Suess W. Der ältere Dionys als Tragiker // RhM. 1966. Bd. 109. Ht. 4. S. 299–318.*

нисия посетил величайший из древнегреческих философов — Платон, задавшийся целью превратить сицилийского владыку в «идеального правителя», но его попытка вдохновить тирана своим политическим учением оказалась безуспешной⁶⁵. Не случайно в последующих сочинениях Платона, а за ними — и во всей античной исторической традиции Дионисий предстает как образец жестокого деспота, управляющего государством с помощью террора и репрессий и живущего в вечном страхе заговоров; в то же время ему воздается должное за освобождение греческих городов Сицилии от карфагенской угрозы.

Держава Дионисия являлась, безусловно, самым крупным и сильным государством в греческом мире первой половины IV в. до н. э. Она была неоднородной по своему составу, включая в себя как полисы, так и территории, населенные местными племенами. Нередко державу, созданную Дионисием Старшим, считают одной из предшественниц монархий эпохи эллинизма, говорят в данной связи о «предэллинизме на западе». Хотелось бы в связи с этим указать на несколько нюансов. Во-первых, эта держава не была уникальной и беспрецедентной в истории Греции. В частности, на той же Сицилии ее очень близким прообразом была существовавшая веком раньше держава Дейноменидов (роль этого прообраза и значительное сходство двух тираний нечасто отмечают в историографии, в результате чего деятельность Дионисия выглядит более «новаторской», чем она была на самом деле). Несомненную типологическую параллель сицилийским державам едва ли не во всех отношениях являет также Боспорское государство Спартокидов.

Во-вторых, «империя» Дионисия Старшего оказалась непрочной, и это выяснилось уже вскоре после смерти ее основателя. В правление его сына и преемника Дионисия Младшего, слабого и бездарного интригана, все успехи, достигнутые отцом, были утрачены. В греческом мире эпохи классики с характерной для него борьбой центростремительных и партикуляристских тенденций всегда сохранялась тяга к созданию надполисных объединений, но в то же время почти все такие объединения были недолговечными, поскольку центробежные силы в конечном счете вновь одерживали верх. Последнее в особенной степени относится к ситуации IV в. до н. э.

⁶⁵ О поездке Платона ко двору Дионисия Старшего см.: Лосев А.Ф., Тахо-Годи А.А. Платон. Аристотель. М., 1993. С. 38 слл.

Пожалуй, можно назвать лишь одно значимое исключение — уже упомянутое Боспорское государство (для IV в. до н. э. его еще терминологически некорректно называть Боспорским царством, хотя это обычно и делается). Установившийся здесь с 438/437 г. до н. э. режим династии Спартокидов, несомненно, представлял собой тиранию; с этим согласны практически все занимавшиеся этим вопросом антиковеды⁶⁶. Другой вопрос — к какому типу тирании отнести его по стадияльно-типологическому критерию. В противовес общепринятому мнению, считающему Спартокидов представителями Младшей тирании, мы видим здесь случай Старшей тирании, возникший очень поздно по меркам греческого мира и к тому же оказавшийся беспрецедентно устойчивым и долговечным. Как бы то ни было, в период поздней классики, когда греческий мир в целом переживал кризис, Боспор стал одним из самых сильных и богатых эллинских государств, которое, в отличие от державы Дионисия, успешно выдержало проверку временем и вступило в эпоху эллинизма, а затем просуществовало, несмотря на многочисленные внешние и внутренние трудности, еще много веков, вплоть до конца античности. Боспорская тирания со временем переросла в легитимную монархию.

Почему же этот «объединительный проект» оказался более успешным, чем где бы то ни было в Элладе? Этот вопрос, сам по себе сложный, никак не может быть в деталях рассмотрен здесь. В самой общей форме можно сказать, что немаловажную роль играло внешнее давление на боспорских греков. Им приходилось постоянно жить в условиях «варварского» окружения, противостоять этому окружению, и это диктовало определенную линию политической эволюции⁶⁷. В любом случае, Боспор IV в. до н. э. был уникальным, нетипичным явлением для греческого мира этого времени.

⁶⁶ См. из работ последних лет: *Молев Е.А.* Политическая история Боспора в VI–IV вв. до н. э. Нижний Новгород, 1997. С. 51, 92–93; *Завойкин А.А.* «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 2001. Т. 4. С. 153 сл.; *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 260; *он же.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 11–35.

⁶⁷ Мы подробнее аргументируем этот тезис в специальной статье, в которой рассмотрен характер тирании на Боспоре Киммерийском. См.: *Суриков И.Е.* К вопросу о характере тирании на Боспоре Киммерийском: стадияльно-типологический контекст // ИИАО. Вып. 9–10. 2007. С. 140–156.

Можно назвать и другие значительные примеры Младшей тирании. Одним из самых важных, бесспорно, окажется режим, установленный Клеархом в Гераклее Понтийской⁶⁸. Но на нем, равно как и на остальных, мы уже совсем не будем останавливаться, тем более что у читателя, наверное, и без того назрел вопрос: почему мы вообще так надолго задержались на этой проблематике? Ряд соображений заставил нас это сделать.

Прежде всего, Младшая тирания явилась одним из типичнейших порождений и проявлений кризиса классического полиса, коллапса полисной демократии в IV в. до н. э. И в то же время она представляла собой попытку найти выход из названного кризиса. Однако можно ли считать эту попытку успешной? Не похоже. В отличие от Старшей тирании, которая представляла собой весьма конструктивный, прогрессивный исторический феномен, внесший значительный вклад в развитие античной Греции⁶⁹, Младшая тирания, по большому счету, не дала ничего нового политическим практикам греческой цивилизации (кроме разве что особо изощренного цинизма), ярко выраженных позитивных черт практически не имела. Соответственно, эти режимы имели тупиковый характер. То, что в подавляющем большинстве случаев они оказывались непрочными, недолговечными и довольно быстро прекращали существование, никак нельзя назвать случайным. Само слово «тиран» звучало уже вполне одиозно. Младшая тирания в силу своих однозначно негативных коннотаций не стала и не могла стать перспективным путем выхода из кризиса классического полиса. Ее, в общем-то, нельзя даже назвать и по-настоящему типичным явлением, в отличие опять же от Старшей тирании. Через последнюю прошли почти все полисы, которые впоследствии достигли значительного процветания, стали развиваться наиболее быстрыми темпами, будь то Афины или Коринф, Милет или Аргос, Самос или Мегары...

⁶⁸ Эта тирания, как и другие основные этапы развития Гераклеи, рассмотрены в работах: *Burstein S.M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976; *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический: Взаимоотношения метрополии и колонии в VI–I вв. до н. э. М., 1986.

⁶⁹ О чем нам уже не раз приходилось писать: *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 151 сл.; АГ-1. С. 167 слл. Ср. также: *Shear T.L.* Tyrants and Buildings in Archaic Athens // *ACA*. P. 1 f.; *Туманс Х.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н. э.). СПб., 2002. С. 362 слл.

А Младшей тирании вполне можно было избежать без особенно-го ущерба для исторического процесса. Так, избежали ее Афины, хотя тенденции, ведущие к ней, в афинском полисе в период Пелопоннесской войны присутствовали⁷⁰. Поскольку афинский материал по понятным причинам интересует нас больше всего и получит наиболее детальное освещение в этой книге, не излишним будет поднять и вопрос об альтернативах. Именно с этой целью мы особенно подробно остановились на Младшей тирании в Сиракузах.

Место Афин в древнегреческой истории в целом уникально, со всем близких параллелей они не имеют. Но если был в греческом мире какой-нибудь полис, который можно сопоставлять с Афинами, то таковым являлись как раз Сиракузы. Сиракузская демократия в период своего наибольшего расцвета в середине V в. до н. э. разительно напоминала афинскую и, насколько можно судить, в ряде отношений развивалась под прямым влиянием последней⁷¹. Тем более интересно, что в конечном счете два полиса пошли совершенно разными путями: Сиракузы — по пути тиранической власти, который, в общем-то, ничего хорошего им не дал, а Афины, преодолевшие «искушение тиранией», — по пути восстановленной демократии, что оказалось значительно более конструктивным, хотя никто, конечно, не скажет, что афиняне IV в. до н. э. не сталкивались с проблемами.

Все более острые формы кризиса классического полиса вызывали серьезную тревогу и греческих мыслителей, политических теоретиков, которые предложили на протяжении IV в. до н. э. целый ряд проектов общественного переустройства. Основой большинства таких проектов было укрепление полисного единства и солидарности — именно тех качеств, которые в первую очередь рушились в ходе кризиса. Так, автором двух концепций «наилучшего государства» (в трактатах «Государство» и «Законы») стал Платон. Эти концепции, отличаясь друг

⁷⁰ О тенденциях, которые могли породить в Афинах Младшую тиранию (деятельность Алкивиада, корпоративные режимы Четырехсот и Тридцати) будет подробно говориться в следующих главах.

⁷¹ См. об этом: *Berger S. Democracy in the Greek West and the Athenian Example // Hermes. 1989. Bd. 117. Ht. 3. S. 303–314; idem. Revolution and Society in Greek Sicily and Southern Italy. Stuttgart, 1992.*

от друга⁷², при этом в равной мере предусматривали создание условий, при которых будут невозможны внутренние распри, путем полного отказа от демократии и строжайшей регламентации всей жизни граждан правителями и законами⁷³. Ученик Платона — Аристотель — тоже не избежал выхода на проблему «идеального государства» (в трактате «Политика»). Его «рецепты» выглядят не столь жестко-тоталитарными, как платоновские, но, впрочем, роль государственного принуждения в них тоже очень велика⁷⁴. Аристотель делал упор на всемерную поддержку полисом своей главной опоры — «среднего» общественного слоя, зажиточных земледельцев.

Выдвигались и более радикальные проекты⁷⁵; некоторые из них

⁷² См. о них: *Wallach J.R. The Platonic Political Art: A Study of Critical Reason and Democracy. University Park, 2001.* По вопросу о соотношении этих двух концепций и их сравнительной оценке есть две основных точки зрения. Согласно одной, Платон к моменту написания поздних «Законов» стал большим реалистом по сравнению с утопическими прожектами «Государства». Другая точка зрения видит в «Законах», скорее, не больший реализм, а больший пессимизм, и расценивает их установки, с мелочно-придирчивой регламентацией всего и вся, как подлинное проявление тоталитаризма, уже лишенное исходной высоты мысли. Нам более импонирует именно это последнее мнение.

⁷³ Ср. интересное наблюдение Дж. Диллона: моделью идеального государства у Платона, скорее, являются не Спарта или Крит, как обычно считают (это общераспространенная точка зрения, см., например: *Schütrumpf E. Politische Reformmodelle im vierten Jahrhundert // AD. S. 272–273*), а те режимы, которые установили пифагорейцы в полисах Великой Греции (например, Архит в Таренте): во главе стоят правители-философы, под началом у них находится войско («стражи»), ниже следует простонародье. См.: *Диллон Дж. Наследники Платона: Исследования истории Древней Академии (347–274 гг. до н. э.). СПб., 2005. С. 249.* О правлении Архита в Таренте см.: *Huffman C.A. Archytas of Tarentum: Pythagorean, Philosopher and Mathematician King. Cambridge, 2005. P. 8 ff.*

⁷⁴ Иногда считается, и не без оснований, что даже больше, чем у Платона (например: *Cohen D. The Rule of Law and Democratic Ideology in Classical Athens // AD. S. 227–244*). Отнюдь не случайно Карл Поппер в своей нашумевшей книге «Открытое общество и его враги», подвергая уничтожающей критике любые тоталитарные концепции, начиная с античности, по отношению к Аристотелю не менее (а, пожалуй, и более) суров, чем по отношению к Платону. В целом в нашу задачу здесь, конечно, не входит подробная характеристика политических учений Платона и Аристотеля; это отдельная большая тема, неоднократно рассматривавшаяся в историографии. См. в частности, под углом политических реалий IV в. до н. э.: *Piérart M. Du règne des philosophes à la souveraineté des lois // AD. S. 249–268.*

⁷⁵ Некоторые из них мы знаем по пересказу в историографической части аристотелевой «Политики» (например, проекты известного архитектора Гипподама и некоего

предполагали даже полное обобществление имущества, ликвидацию частной собственности, проведение в жизнь коммунистических начал⁷⁶. Пародия на подобного рода теории, несомненно, содержится в комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» (поставлена в 392 г. до н. э.). Нечего и говорить, что все эти проекты — как радикальные, так и относительно умеренные — были утопическими и невыполнимыми. Главным их пороком было стремление к искусственной консервации, несмотря ни на что, полисных принципов, которые уже не соответствовали изменившимся историческим условиям.

Более реалистичную программу выхода из кризиса разработал выдающийся ритор и политический публицист Исократ, лучше, чем кто-либо, понимавший невозможность возвращения к замкнутому полисному миру и необходимость преодоления раздробленности. Исократ выдвинул идею объединения всей Греции под эгидой какого-нибудь сильного государства для осуществления высокой, священной цели — совместного похода против Персии и ее сокрушения. Такой поход не казался уже чем-то фантастическим: еще на рубеже V–IV вв. до н. э. экспедиция отряда греческих наемников (в составе войска Кира Младшего) в самое сердце Ахеменидской державы продемонстрировала, что с персами можно успешно бороться на их территории.

Идея, развивавшаяся Исократом, получила в антиковедении название «панэллинизм»⁷⁷. Войну, охватившую Грецию, считал ритор, следует перенести в Азию, а богатства Азии — в Европу (Isocr. IV. 187); это решит проблему бедности, вызовет отток незанятого населения на новые земли, избавит Элладу от терзающих ее гражданских смут⁷⁸. Итак, цель для объединительного движения поставлена (как мы уже говорили выше, объединяться просто ради объединения никто в греческом мире не стал бы). Но кто же возглавит это объединение эллинов? Исократ, прожившего почти столетнюю жизнь, ожидало разочарование за разочарованием. Наиболее авторитетные центры

Фалея Халкедонского). Подробнее см.: Гуторов В.А. Античная социальная утопия: Вопросы истории и теории. Л., 1989. С. 126 слл.; Фрейденберг О.М. Утопия // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 148–167.

⁷⁶ См. наиболее подробно: Dawson D. Cities of the Gods: Communist Utopias in Greek Thought. Oxf., 1992.

⁷⁷ Последний по времени анализ концепции панэллинизма см.: Рунг Э.В. Греко-персидские отношения: политика, идеология, пропаганда. Казань, 2009. С. 146 слл.

⁷⁸ Подробный анализ этого круга идей у Исократов см.: Исаева В.И. Ук.соч. С. 157–162.

силы — Афины, Спарта, Фивы — оказались неспособными претендовать на роль всеобщего и желанного гегемона. А когда появилась новая, мощная сила, которая смогла добиться гегемонии, то ею оказалась Македония, а ее большинство греков не готовы были даже признать вполне соплеменным государством. *Такого* исхода событий не ожидал и сам Исократ, согласно традиции, покончивший самоубийством после битвы при Херонее.

Исократовская программа, порождение практического идеолога, конечно, была явлением не одного порядка с «великими проектами» общего характера, которые были выдвинуты философами-теоретиками. А, кстати, само уже рождение таких проектов в немалом количестве именно в IV в. до н. э. является существенным доказательством кризиса классических полисных структур. Дело в том, что не от хорошей жизни пишутся утопии. Для политической мысли V в. до н. э., когда кризисные явления еще не ощущались, было характерно совсем иное — панегирики прогрессу и демократии.

Разумеется, говоря о «кризисе IV века», другой крайностью, наряду с полным отрицанием такового, было бы чрезмерное сгущение красок. Представлять все происходившее в Греции в это время в одном только черном цвете тоже некорректно. В IV в. до н. э., бесспорно, можно отметить и определенные позитивные явления. Одним из них стало дальнейшее развитие и совершенствование политической системы афинской демократии. Как раз этот момент очень хорошо освещен авторами неоднократно упоминавшегося сборника об афинской демократии указанного столетия⁷⁹. Кризис полиса и кризис демократии отнюдь не тождественны; один процесс не обязательно должен влечь за собой другой. Как раз о кризисе демократии в этот период, похоже, говорить не приходится. Имели место, бесспорно, изменения, порожденные как общей исторической ситуацией, так и внутренней логикой развития системы. Но, во всяком случае, однозначный упадок в них не отражается.

В период Пелопоннесской войны афинская демократия переживала тяжелые времена: дважды свергалась (411 и 404 гг. до н. э.) и снова восстанавливалась. Дело даже не столько в олигархических переворотах как таковых, сколько в том, что они звучали грозным сигналом: с на-

⁷⁹ См. также: *Haßkamp D. Oligarchische Willkür — demokratische Ordnung: Zur athenischen Verfassung im 4. Jahrhundert. Darmstadt, 2005.*

родовластием что-то не в порядке, ситуация выходит из-под контроля. Не удивительно, что афиняне после реставрации демократического устройства в 403 г. до н. э. учились на собственном горьком опыте, на собственных прежних ошибках⁸⁰. В результате на протяжении большей части IV в. до н. э. (вплоть до поражения в Ламийской войне) внутренняя история Афин отличалась значительной стабильностью, отсутствием жестоких междоусобных конфликтов, стремлением разрешать возникающие противоречия мирным путем, с помощью компромисса⁸¹. Специфика Афин IV в. до н. э. именно в том и заключалась, что они, в отличие от многих других полисов, в этот период не знали стасиса. Да, на трибуне для ораторов на Пниксе кипели страсти, бросались тяжкие обвинения, раздавалась едва ли не площадная брань (достаточно почитать направленные друг против друга речи Демосфена и Эсхина)⁸². Но, думается, никто не будет спорить: лучше уж перебранки ораторов, чем поножовщина на улицах. Одним словом, во внутривагитическом отношении Афины на общем фоне кризиса полиса являли собой еще более или менее отрадную картину.

* * *

Ментальные, идеологические аспекты «кризиса IV века» заслуживают специального внимания. Все основные элементы древнегреческого менталитета, картины мира, системы ценностей и представлений были обусловлены полисным типом социально-политической системы⁸³. И вполне закономерно, что, когда классический полис оказался ввергнут в общий кризис, это неизбежно повело к кризису и в духовной жизни общества.

Кризис полисной ментальности достиг всей полноты своих проявлений в течение IV в. до н. э. Но начался он, да и приобрел уже весьма острые формы, в конце предшествующего столетия, в период Пело-

⁸⁰ См. об изменении правосознания афинян в этот период: *Timmer J.* Die Mehrheitsregel und die Legitimität von Entscheidungen in der attischen Demokratie des späten 5. und 4. Jhs. v.Chr. // SAG. S. 25–53.

⁸¹ *Herman G.* Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // AD. S. 43–60.

⁸² См. по этому сюжету: *Yunis H.* The Rhetoric of Law in Fourth-Century Athens // CCA-GL. P. 191–208.

⁸³ Подробнее см.: АГ-1. С. 48 слл.

поннесской войны⁸⁴. Многолетний и кровопролитный вооруженный конфликт стал мощнейшим катализатором разложения традиционных ценностей⁸⁵. Уже на его первом этапе стало несомненным фактом катастрофическое падение нравов в греческом полисном мире, которое в дальнейшем только усугублялось. Лучше, чем кто-либо, это описал современник и очевидец происходящего — великий афинский историк Фукидид. Некоторые страницы его труда просто-таки дышат гневом и горечью по поводу этического состояния эллинских полисов⁸⁶. Эти пассажи (Thuc. II. 51–54; III. 81–84) стали знаменитыми, даже хрестоматийными, они постоянно цитируются в исследовательских работах⁸⁷, и вряд ли имеет смысл приводить их здесь еще раз. Кризисные явления в идеологии со всей несомненностью проявились в произведениях и ряда других авторов этого времени, прежде всего, драматурга Еврипида.

Еврипида с полным основанием называли «философом на сцене» — поэтом, подвергшимся наиболее значительному влиянию идей современных ему мыслителей, прежде всего, софистов⁸⁸. Упомянув этих последних, никак нельзя не отметить, что в направлении подрыва традиционного мировоззрения действовали не только реалии военного

⁸⁴ Отмечено, что в это время наблюдается даже «лингвистический кризис», проявляющийся в аттических надписях: *Lazzeroni R. Lingua e società in Atene antica. La crisi linguistica del V secolo // SCO. 1984. Vol. 34. P. 13–25.*

⁸⁵ См. об этом: *Murray G. Reactions to the Peloponnesian War in Greek Thought and Practice // JHS. 1944. Vol. 64. P. 1–9; North H.F. A Period of Opposition to Sôphrosynê in Greek Thought // TAPhA. 1947. Vol. 78. P. 1–17; Lévy E. Athènes devant la défaite de 404: Histoire d'une crise ideologique. P., 1976.*

⁸⁶ Ср.: *Wassermann F.M. Thukydides und die moralische Krise der Polis // Thukydides. Darmstadt, 1968. S. 400–411; Thomas R. Thucydides' Intellectual Milieu and the Plague // BCT. P. 87–108.* О Фукидиде в контексте общественной и философской мысли его времени см. наиболее подробно: *Shanske D. Thucydides and the Philosophical Origins of History. Cambridge, 2006.*

⁸⁷ В частности, и нам приходилось цитировать важнейшие места: *Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания... С. 17–18.*

⁸⁸ Разбор этих влияний см.: *Nestle W. Untersuchungen ueber die philosophischen Quellen des Euripides. Lpz., 1902; Verrall A.W. Euripides the Rationalist: A Study in the History of Art and Religion. 2nd ed. N.Y., 1967; Bergson L. Die Relativität der Werte im Frühwerk des Euripides. Stockholm, 1971; Whitman C.H. Euripides and the Full Circle of Myth. Cambridge Mass., 1974; Romilly J. de. La modernité d'Euripide. P., 1986; Shapiro H.A. Myth into Art: Poet and Painter in Classical Greece. N.Y., 1997. P.160 ff.; Egli F. Euripides im Kontext zeitgenössischer intellektueller Strömungen: Analyse der Funktion philosophischer Themen in der Tragödien und Fragmenten. Lpz., 2003.*

времени, но и чисто интеллектуальный процесс — софистическое движение⁸⁹, начавшееся несколько раньше Пелопоннесской войны, а в ее период достигшее апогея. Главное здесь то, что в большинстве своем софисты проповедовали релятивизм и субъективизм, учили об относительности всего сущего, об отсутствии абсолютной, общей для всех истины и объективных ценностей. Не приходится сомневаться в том, что деятельность этих философов, имевших широкую популярность в образованных слоях общества, разрушительным образом действовала на общепринятую систему представлений. Под ее влиянием внедрялось скептическое отношение к религиозным верованиям, к законам и обычаям полиса. Каждый становился сам себе законом...

Из правового нигилизма естественно вытекало признание «права сильного», да и просто культ неприкрытой силы, не признающей никаких моральных сдержек. Пожалуй, более ярко, чем где-либо, этот мотив звучит в таком важном тексте, как «Мелосский диалог» Фукидида (V. 85–111)⁹⁰. Сильный должен господствовать просто потому, что он сильный, а слабому суждено лишь безоговорочно подчиняться, — таков лейтмотив всех заявлений афинян в этом диалоге.

Мелосцы отказывались признать правоту подобного подхода, и за это их ждала жестокая участь: после взятия острова афинским флотом все взрослые мужчины были перебиты, а женщины и дети обращены в рабство. И это был далеко не единственный пример такой расправы с жителями захваченных городов в ходе Пелопоннесской войны. К поголовному истреблению жителей, случалось, прибегали как Афины, так и Спарта. Моральные (строго говоря, аморальные) тенденции эпохи вели к какому-то чудовищному нарастанию жестокости, причем против своих же соплеменников — эллинов. Подобных войн Греция еще не знала: можно сказать, что даже борьба против персов в первой половине V в. до н. э. велась на более гуманных началах.

⁸⁹ Лучшие работы по этой теме: *Kerferd G.B. The Sophistic Movement. Cambridge. 1984;* *Romilly J. de. The Great Sophists in Periclean Athens. Oxf., 2002.*

⁹⁰ Об этом тексте см. наиболее подробно в недавней книге: *Will W. Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen. Bonn, 2006. S. 95 ff.* Разумеется, «Мелосский диалог» — не пересказ Фукидидом действительно имевших место переговоров, а сочинение самого историка, весьма отточенное с точки зрения как литературного оформления, так и глубины мысли (см.: *Bringmann K. Herodot und Thukydides: Geschichte und Geschichtsschreibung im 5. Jahrhundert v.Chr. // Historie und Leben: Der Historiker als Wissenschaftler und Zeitgenosse. München, 2006. S. 10 f.*).

Такое состояние не могло, конечно, сохраняться долго. Либо оно неминуемо, и уже в скором времени, повело бы к полному краху всего греческого полисного мира, — либо должно было наступить «отрезвление». К счастью, имел место именно этот последний вариант. Добрым знаком была уже афинская амнистия 403 г. до н. э., после свержения режима «Тридцати тиранов»: как сторонники демократии, так и ее противники показали тем самым свою способность перейти от конфронтации к компромиссу. Немедленной катастрофы удалось избежать.

Тем не менее кризисные процессы в менталитете, разумеется, и после Пелопоннесской войны не исчезли, да и не могли исчезнуть. Они продолжали развиваться, пусть и в более латентной форме, и постепенно загоняли полисное мироощущение в тупик. Полис в свое время показал свою стойкость, жизнеспособность, огромные потенции, одержав победу над неизмеримо сильнеешим врагом — Персидской державой, и эта победа долгое время служила для него «историческим оправданием». Теперь аналогичных успехов больше не появлялось, и не мог не возникнуть вопрос о целесообразности полисных форм бытия, коль скоро они уже не оказывались столь эффективными, не давали надежной защиты ни от внешней угрозы, ни от внутренних потрясений.

Присовокупим к этому уже отмечавшийся выше кризис коллективистских элементов мировоззрения, утрату гражданской солидарности. На смену общеполисным интересам пришли групповые, гораздо больше, чем раньше, стали значить интересы, а не ценности. Кстати, означал ли упадок коллективизма, что больше простора появлялось для роста индивидуального, личностного начала? На первый взгляд — вроде бы так оно и есть, ввиду нараставших индивидуалистических тенденций. Но опять же не все так просто. Стоит пристальнее всмотреться в греческий мир IV в. до н. э. — и становится заметно, что развитие действительно яркой, творческой личности в политической жизни тоже приостановилось. Достаточно сравнить видных политиков эпохи расцвета полиса и эпохи его кризиса. Эллада V в. до н. э. породила целую плеяду государственных деятелей не просто выдающихся, но, так сказать, титанического масштаба — Мильтиада и Фемистокла, Аристиды и Кимона, Перикла и продолжавшего ту же старую традицию Алкивиада. А что можно сказать в данной связи о следующем столетии? Картина несравненно бледнее. Самый крупный из политиков этого времени — несомненно, Демосфен. Но даже и для него сравнение с любым из вышеперечисленных лиц оказывает

ся довольно-таки невыгодным. А fortiori это относится к Эсхину или Ликургу, Евбулу или Демаду... Несколько выделяется из ряда прочих Фокион, да и тот — скорее, не по своему историческому значению (как раз оно было довольно скромным), а по цельности и красоте своего нравственного облика, качествам, в какой-то степени роднившим его с «титанами» былых времен.

Правда, приходится отметить интересный парадокс. Отмеченное «измельчание личности» фиксируется в Афинах, похоже, также в Спарте. А вот, например, в Фивах — ситуация прямо противоположная. Самые яркие герои фиванской истории — Эпаминонд и Пелопид — действовали как раз в IV в. до н. э. Несомненно, это следует связывать с тем обстоятельством, что Фивы, отстававшие по темпам политического развития, в рассматриваемое время не вступили еще в полосу кризиса полиса, напротив, находились на этапе наибольшего расцвета полисных структур⁹¹.

Но нас здесь интересуют в первую очередь греческие государства, переживавшие кризис. В них личность стала какой-то неполной. Наступила «эпоха профессионалов», возросла специализация, политик перестал быть универсальным знатоком всех аспектов своего ремесла — одновременно видным полководцем, выдающимся оратором, опытным финансистом, каким был в одном лице еще Перикл. Усугублявшаяся профессионализация тоже говорила о распаде некогда целостного мировосприятия. Очевидно, диалектика полисной цивилизации, в которой сосуществовали и противоборствовали коллективистское и индивидуалистическое начала, вела к тому, что подрыв первого из этих начал, как ни парадоксально, ударял и по второму. Два «полюса» эллинского бытия не могли существовать один без другого.

В эпоху «кризиса IV века», когда идеальная норма и реальная жизнь все сильнее отрывались друг от друга, появились разнообразные способы эскапизма, «бегства от действительности». Одним из таких способов стал уход творческой личности из политики в своего рода корпорацию утонченных интеллектуалов — философскую школу. Школы этого рода, действовавшие на постоянной основе, впервые появились в Афинах именно в IV в. до н. э. Среди них — Академия

⁹¹ Фивы, насколько можно судить, отставали от Афин примерно на век. В IV в. до н. э. они находились на той стадии, на которой Афины были в предыдущем столетии, — на стадии имперской экспансии и создания мощной гегемониальной симмахии.

Платона⁹², Ликей Аристотеля и ряд второстепенных (киническая, гедонистическая школы и др.).

В некоторых из школ коллективистская, полисная проблематика уже начисто отбрасывалась; в их рамках разрабатывались только вопросы, связанные с индивидом и формами его поведения. Так, гедонисты-киренаики во главе с Аристиппом признавали высшим благом удовольствие, оправдывали и возводили в абсолют стремление людей к наслаждениям. Киники (Антисфен и затем знаменитый Диоген), напротив, учили в чем только возможно ограничивать потребности, во всех жизненных ситуациях обходиться минимумом возможного⁹³. Впрочем, при всей простоте своего обихода, они не менее, чем киренаики, любили эпатировать публику нарочито грубо-прагматичными суждениями⁹⁴. У киников с их подчеркнутым индивидуализмом и космополитизмом (напомним, что слово «космополит» придумано Диогеном) ментальный аспект кризиса полиса нашел раннее и сразу очень яркое выражение.

Бесспорно, были и такие философские школы, в которых общественно-политические темы оставались в центре исследований. Но изучали их, скорее, как самоцель, а не для применения к практическим ситуациям. Платон и Аристотель составляли утопические проекты идеального государства⁹⁵, которые не могли быть реализова-

⁹² См. фундаментальное исследование институционального аспекта возникновения и существования этой школы: *Шичалин Ю.А. История античного платонизма в институциональном аспекте. М., 2000.*

⁹³ Никак не можем согласиться с принципиальным взглядом И.М. Нахова, который в нашей историографии наиболее углубленно занимался кинизмом (*Нахов И.М. Философия киников. М., 1982. С. 3–25*). По мнению названного исследователя, эта философия представляла собой передовую, демократическую идеологию свободной бедноты и рабов. Нам подобная точка зрения представляется удручающе схематичной и редукционистской. В любом случае идеология кинизма — это идеология не людей, честным трудом зарабатывающих на жизнь, а люмпенизированных элементов, античных «бомжей».

⁹⁴ Например, Антисфен в передаче Ксенофонта (*Symp. 4. 39*): «...Когда тело мое чувствует потребность в наслаждении любовью, я так бываю доволен тем, что есть, что женщины, к которым я обращаюсь, принимают меня с восторгом, потому что никто иной не хочет иметь с ними дела».

⁹⁵ С.Г. Карпюк в отзыве на рукопись нашей монографии указал, что для Аристотеля полис остается наилучшей и высшей формой человеческого общежития (это само по себе совершенно верно, более того — в точно такой же мере относится и к Платону, да даже и Исократ отнюдь не отрицал принцип полиса); очевидно, данное соображение должно служить аргументом против разделяемого нами тезиса о кризисе классического

ны не только в тогдашних условиях. Пожалуй, эти проекты были и в принципе нереализуемы, и, думается нам, их авторы, скорее всего, это понимали. Теоретическая мысль отделилась от практической политики. По отношению к реальной полисной демократии крупнейшие мыслители IV в. до н. э. в большинстве своем занимали позицию неприятия, причем неприятия полного и безоговорочного: отвергали не какие-нибудь отдельные недостатки этой системы, предлагая их исправить, а всю систему как целое, полагая ее в принципе порочной и неисправимой⁹⁶.

У философов Академии и Ликей была, таким образом, своя «башня из слоновой кости», куда они спасались от ненавистной действительности так же, как киренаики искали спасения в наслаждении, а киники — в аскетизме. Человек, который в Греции IV в. до н. э. желал участвовать в общественной жизни, влиять на нее, должен был идти не в философскую школу⁹⁷, а в риторическую. Борьба и конкуренция философии и риторики за власть над умами, за право быть «властительницей дум» — очень характерный феномен идейной жизни эпохи кризиса

полиса в IV в. до н. э. как реальном историческом процессе. Однако, заметим, в tomto и заключалась кризисность момента, что теперь пресловутый принцип полиса его сторонникам приходилось защищать и отстаивать. В предшествующем столетии мы не найдем апологий полиса: в них просто не было нужды, никому и в голову не приходило агитировать за то, что и так не подвергается сомнению.

⁹⁶ *Туманс Х.* Псевдо-Ксенофонт — «Старый олигарх» или демократ? // ВДИ. 2004. № 3. С. 24. Об этой антидемократической тенденции в философской мысли см. также: *Ober J.* Political Dissent in Democratic Athens: Intellectual Critics of Popular Rule. Princeton, 1998; *idem.* The Athenian Revolution: Essays on Ancient Greek Democracy and Political Theory. Princeton, 1999. Чисто тенденциозными (и даже, не побоимся этого слова, конъюнктурными) выглядят попытки некоторых современных ученых объявить, скажем, Аристотеля или тем более Платона сторонниками демократии (например: *Барнс Дж.* Аристотель: краткое введение. М., 2006. С. 162; *Monoson S.S.* Plato's Democratic Entanglements: Athenian Politics and the Practice of Philosophy. Princeton, 2000. Passim). Критику подобного подхода (применительно к Платону) см.: *Rowe C.J.* Killing Socrates: Plato's Later Thoughts on Democracy // JHS. 2001. Vol. 121. P. 63–76.

⁹⁷ Перипатетики однажды попытались-таки оказать прямое влияние на политику: «ликейский след» вполне явственно прочитывается в олигархических переворотах 322 и 317 гг. до н. э. (см. об этом: *Lehmann G.A.* Überlegungen zu den oligarchischen Machtergreifungen im Athen des 4. Jahrhunderts v.Chr. // AD. S. 139–150; *idem.* Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. Opladen, 1997). Оба раза режимы «просвещенных олигархов» продержались недолго, и в конечном счете это привело к краху перипатетической школы в Афинах.

классического полиса. Риторы в этой борьбе выступали своеобразными «оппортунистами», за что подвергались жесткой критике со стороны ригористов-философов («Стыдно молчать и позволять говорить Исократам», как выразился однажды Аристотель).

* * *

Еще одним способом «бегства от действительности», распространившимся уже не в образованных слоях, а в «низах» общества, стало распространение нетрадиционных религиозных идей и культов. В этих новых верованиях столь характерный для классического греческого воззрения рационализм уступал место иррационализму и мистицизму, порой достаточно грубому. Среди простонародья процветали магия, колдовство. В греческий пантеон все чаще находили дорогу «варварские» божества (как Бендида, Сабазий, Адонис и др.)⁹⁸, почитание которых отличалось экстатическим, исступленным характером.

Голландский исследователь Х. Ферснел, попытавшийся проследить основные изменения, происшедшие в древнегреческой религии в IV в. до н. э. по сравнению с предшествующим столетием, пришел к выводу⁹⁹: главным из этих изменений стало появление новых, уже «эллинистических» черт. Религиозность утрачивала демократичный характер, в ней нарастали элементы иерархичности. Так, начала формироваться более авторитарная концепция божества: боги стали восприниматься как существа более могущественные, величественные и при этом более тираничные, чем их понимали раньше. Такая тенденция, по мнению ученого, прослеживается уже в «Вакханках» Еврипида — одном из самых поздних памятников литературы и религиозной мысли V в. до н. э. Ведь изображенный в этом произведении Дионис, в сущности, несет зло: он становится причиной страшной гибели главного героя Пенфея, безумия его матери. Симпатии он не вызывает, но зато вызывает убеждение в своей необоримой силе, противиться которой просто бессмысленно¹⁰⁰.

Другое проявление «предэллинизма» в религиозной жизни — впервые встречающиеся с конца V в. до н. э. факты прижизненного

⁹⁸ Об этом процессе см.: *Auffarth Chr.* Aufnahme und Zurückweisung “Neuer Götter” im spätklassischen Athen: Religion gegen die Krise, Religion in der Krise? // AD. S. 337–365.

⁹⁹ *Versnel H.* Religion and Democracy // AD. S. 367–387.

¹⁰⁰ Ср.: *Суриков И.Е.* Эволюция религиозного сознания... С. 194.

обожествления людей, видных правителей и полководцев¹⁰¹. Ничего не могло быть более чуждого греческой религии предшествующего периода. «Не тщись быть Зевсом: у тебя есть все. Смертному — смертное!» — говорил великий Пиндар. Стремление уподобиться богу и — равным образом — уподобить кого-либо иного богу расценивалось как одно из самых страшных проявлений такого однозначно осуждавшегося качества, как ὑβρις. Теперь и в этом отношении времена изменились.

Первый случай обожествления — это «феномен Лисандра»¹⁰². Спартанский наварх, главный герой последнего этапа Пелопоннесской войны, победивший Афины и установивший гегемонию своего полиса в Элладе, выступает здесь как переходная фигура. Сообщается, что «ему первому среди греков города стали воздвигать алтари и приносить жертвы как богу (курсив наш — И.С.), и он был первым, в честь кого стали петь пеаны» (Duris ap. Plut. Lys. 18). Некоторые эллинские государства учредили специальные празднества, посвященные Лисандру. В конце концов эти непомерные почести, воздаваемые ему за пределами Спарты, пришли в настолько резкое несоответствие с его положением в самом спартанском полисе (он не мог претендовать на царский сан, оставаясь, несмотря ни на что, рядовым гомеем), что энергичный Лисандр задумал государственный переворот или, по меньшей мере, план радикальных реформ, который позволил бы ему стать царем. Реализовать свои замыслы он не успел, поскольку погиб в битве при Галиарте в 395 г. до н. э. Да и в целом столь ранний случай (пожалуй, преждевременный) предоставления божественных почестей смертному человеку на первых порах остался чем-то единичным, уникальным. Но через несколько десятилетий почва для соответствующих изменений в религиозном сознании окончательно сложилась.

Некоторые шаги по собственному обожествлению, насколько можно судить, предпринимал Филипп II¹⁰³. А со времен Александра Ма-

¹⁰¹ Суриков И.Е. Status versus charisma: сакрализация правителя в Греции и греческом мире I тыс. до н. э. // Сакрализация власти в истории цивилизаций. Ч. 1–2. М., 2005. С. 7–34.

¹⁰² Richardson N.J. Innovazione poetica e mutamenti religiosi nell'antica Grecia // SCO. 1983. Vol. 33. P. 26.

¹⁰³ Зелинский Ф.Ф. Религия эллинизма. Томск, 1996. С. 103.

кедонского обожествление правителя стало чуть ли не нормой. В высшей степени характерен, например, прием, оказанный в 307 г. до н. э. афинянами Деметрию Полиоркету, после того как тот изгнал македонского ставленника Деметрия Фалерского и объявил о «восстановлении» демократии. В награду за это афинский демос провозгласил Полиоркета «богом-спасителем» и декретировал ему ряд положенных в таком статусе почестей (проживание в храме, учреждение культа, жречества, праздника, обращения к Деметрию за прорицаниями как к оракулу и т. п.).

Невозможно даже и представить себе что-то подобное в эпоху расцвета полиса. Но вот, правда, «другая сторона медали»: когда Деметрий потерпел поражение в борьбе с врагами, афиняне закрыли перед ним ворота и не пустили в город. «Проигравший бог», «бог-неудачник» был им не нужен. Это означает, что античные, полисные принципы религиозности пока не ушли окончательно в прошлое. Полис был еще властен над своими богами.

В целом на культе монархов эллинистической эпохи нам совершенно не хотелось бы останавливаться в контексте данной книги. Упомянуть о нем нам все же приходится вот по какой причине. Чаще всего считается, что эта новая тенденция была результатом влияния на греков древневосточной религиозно-политической идеологии¹⁰⁴. Подобное суждение имеет свой резон; тем не менее нам оно представляется не вполне точным и, во всяком случае, слишком категоричным. Бесспорно, что египтяне, например, обожествляли Александра в силу своих традиционных представлений о божественном статусе фараона. Но точно так же бесспорно и то, что греки обожествляли того же Александра явно не по этой, а по какой-то другой причине. Иными словами, наличествовал не только восточный, но и античный фон для формирования эллинистической идеи «человекобожества».

До нас дошел отрывок из гимна, составленного афинянами для прославления Деметрия Полиоркета (ар. Duris FGrHist. 76 F13), и следует в интересующем нас контексте повнимательнее присмотреться к той мотивации обожествления диадоха, которую мы находим в этом памятнике. Другие боги — говорится в гимне — либо где-то далеко и не внем-

¹⁰⁴ Например: *Зелинский Ф.Ф.* Ук.соч. С. 104; *Ладынин И.А.* Египетские идеологические представления в сообщениях Плутарха об Александре Македонском // *Античность: политика и культура.* Казань, 1998. С. 34–40.

люют людям, либо их вообще нет; Деметрий же с нами, причем не в виде каменного или деревянного изображения, а собственной персоной, так кому же молиться, как не ему?

Данная мотивация самым непосредственным образом связана не столько с постулируемым проникновением восточных идей в античный мир, сколько с религиозными проблемами, давно уже встававшими перед самими греками. На протяжении классической эпохи, особенно в ее вторую половину, в период кризиса, в произведениях философов и поэтов становилась все более настойчивой критика традиционных представлений о божестве. Начинало казаться, что «старые» боги не выполняют своих функций; собственно, из-за этого-то и возникало побуждение обзавестись «новыми». А кто мог лучше подойти на эту роль, чем герой-полководец, для которого, казалось, нет ничего невозможного? Священнодействия афинян по отношению к Деметрию, обычно расцениваемые как низкопоклонство и признак моральной деградации «льстивых потомков Фемистокла и Аристиды», в значительной степени явились просто манифестацией перемен в религиозном сознании и в целом в менталитете — перемен, закономерно вызванных внутренними причинами, а не навязанных кем-то «извне».

Основной вектор этих перемен в менталитете можно охарактеризовать как путь «от гражданина к подданному». Этот процесс хорошо прослежен в исследовательской литературе на материале римской истории, но, на наш взгляд, он, безусловно, имел место в греческом мире, хотя и имел свою специфику¹⁰⁵. Он проявился задолго до начала эпохи эллинизма, до Александра и даже до Филиппа II. Скорее уж практическая деятельность Филиппа явилась долгожданным ответом на животрепещущие запросы общественного сознания. В частности, на протяжении IV в. до н. э. наблюдается постоянное нарастание монархических элементов в идеологии¹⁰⁶. Они прослеживаются у большинства крупнейших мыслителей эпохи, будь то Ксенофонт или Исократ, Платон или Аристотель. Об этом давно уже писалось в антиковедении как о факте, вполне надежно установленном и не подверженном сомне-

¹⁰⁵ На эту специфику обращается внимание в работе: Павловская А.И. «От гражданина к подданному» — имел ли место этот процесс в Греции в IV в. до н. э.? // ВДИ. 1998. № 4. С. 15–29.

¹⁰⁶ Ранее, в V в. до н. э., монархия воспринималась как прямая противоположность демократии: Braund D. Friends and Foes: Monarchs and Monarchy in Fifth-century Athenian Democracy // *AltA*. P. 118.

нию¹⁰⁷, каковым он и нам представляется¹⁰⁸. Однако недавно появилась работа В. Эдера¹⁰⁹, в котором данный тезис оспаривается.

Аргументация исследователя такова. В IV в. до н. э. в Афинах возник новый литературный жанр — прозаический энкомий монарху, в филологии обычно обозначаемый термином «княжеское зеркало» (Fürstenspiegel). К данному жанру принадлежат, в частности, речи Исократ «Евагор», «Никокл», «Филипп» и ряд сочинений Ксенофонта: «Гиерон»¹¹⁰, «Агесилай», но прежде всего, конечно, «Киропедия»¹¹¹. Традиционно появление таких энкомиев расценивается в историографии как один из симптомов кризиса полиса и демократии, как распространение в политической идеологии монархических концепций, как подготовка эллинизма. Но, по мнению В. Эдера, влияние идеи монархии в Греции рассматриваемой эпохи необоснованно преувеличено в исследовательской литературе. На деле панэллинские и монархические идеологемы не были в IV в. до н. э. весомой политической силой; автаркия и автономия полисов не ставились под вопрос. Единственная тенденция, явственно заметная в энкомиях, — критика демократии. Исходя из этих посылок, автор дает свое объяснение политико-идеологической направленности интересующих его памятников. По его мнению, реальным адресатом этих текстов была афинская аристократия, которую таким путем ее идеологи пытались привлечь к более активному участию в государственной жизни. Образ монарха, как он рисуется Ксенофонтом и Исократом, есть идеальная совокупность сугубо аристократических доблестей. «Княжеское зеркало» — фактически «зерцало для аристократов», искусно замаскированное под похвалу монарху. Причиной такой маскировки были

¹⁰⁷ Например: *Фролов Э.Д.* Монархическая идея у Исократ // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1969. С. С. 3–20; *Исаева В.И.* Греческая идеология IV в. до н. э. и эллинизм // Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1990–1992. Т. 33. P. 267–271; *она же.* Античная Греция... С. 113–124; *Balot R.K.* Greek Political Thought. Oxf., 2006. P. 184 ff.

¹⁰⁸ *Суриков И.Е.* Новая концепция... С. 239.

¹⁰⁹ *Eder W.* Monarchie und Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Die Rolle des Fürstenspiegels in der athenischen Demokratie // AD. S. 153–173.

¹¹⁰ Классический анализ этого произведения Ксенофонта, осуществленный американским политическим философом Лео Штраусом, недавно был переведен на русский язык. См.: *Штраус Л.* О тирании. СПб., 2006.

¹¹¹ О последней см. совсем недавнюю работу: *Harman R.* Viewing, Power and Interpretation in Xenophon's *Cyropaedia* // ChH. P. 69–91.

специфические условия афинской политической жизни IV в. до н. э., когда для противников демократии было безопаснее восхвалять монархию, не представлявшую актуальной опасности для Афин, нежели прямо призывать к росту роли аристократов в политике.

Но подобная постановка вопроса представляется нам односторонней и вызывает ряд принципиальных возражений. Не говорим уже о том, что весь этот ход рассуждений уже а *limine* представляется каким-то чрезмерно замысловатым. Есть и более важные вещи. Во-первых, это как раз возрождение аристократического правления отнюдь не было актуальной опасностью в Афинах IV в. до н. э. Те жалкие остатки аристократии, которые к этому времени сохранялись в афинском полисе после всех перипетий предыдущих десятилетий, не имели ни способности, ни желания взять власть в свои руки. Перед ними стояла совсем иная задача — хотя бы физически выжить, переждать крайне неблагоприятную для них эпоху (в конечном счете им это удалось, и в эллинистических Афинах аристократия «воспрянула»). В другом месте¹¹² мы называем IV в. до н. э. едва ли не самой «неаристократической» эпохой афинской истории. А вот угроза монархии (в форме тирании) как раз считалась вполне реальной. В этих условиях опаснее-то как раз было именно агитировать за монархическое правление, показывать его преимущества.

В. Эдер замечает, что в энкомиях монархам, написанных в IV в. до н. э., прослеживается аристократическая идеология. Это действительно так, но ее в данном контексте никак не следует противопоставлять идеологии монархической. Последняя на древнегреческой почве являлась не какой-то отдельной системой взглядов, а являлась собой именно аристократической идеологией *κατ' ἐξοχήν*, воплощением аристократических ценностей, доведенных до превосходной степени, — почитанием уже не «лучших», а «наилучшего».

Наконец, нельзя не вспомнить, что памятниками жанра *Fürstenspiel* отнюдь не исчерпываются тексты IV в. до н. э., в которых прослеживаются интерес и симпатия к единоличной власти. Допустим, мы убираем с нашего пути Ксенофонта и Исократу как иррелевантных

¹¹² Суриков И.Е. Просопографическая заметка об афинской аристократии эллинистической эпохи // ААе. 2005. Вып. 1. С. 122. Ср. также: *он же*. Демократический полис и родословные аристократов: о некоторых особенностях генеалогической традиции в классических Афинах // Древнейшие государства Восточной Европы. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти. М., 2004. С. 187–188.

авторов, но в любом случае остаются ведь Платон и Аристотель! Как быть с ними? Они не писали «княжеских зеркал», но в политической философии обоих монархия (как один из лучших возможных видов государственного устройства) занимает весьма важное место¹¹³. В. Эдер, видимо, интуитивно ощущая, что анализ произведений этих мыслителей с избранной им точки зрения не пойдет на пользу его концепции, попросту не затрагивает их, оставляет и Платона, и Аристотеля полностью за пределами своего исследования, и, безусловно, делает это совершенно напрасно: картина получается нерепрезентативной.

Конечно, было бы явным преувеличением говорить, что в полисном греческом мире IV в. до н. э. монархические настроения стали преобладающими, задавали тон, вытеснили иные идеологии. Однако по сравнению с предшествующим столетием такие настроения явно получили теперь гораздо более значительное развитие, и это представляется нам неоспоримым.

Таким образом, на всех уровнях менталитета, от религии до политической мысли, в IV в. до н. э. проявлялись кризисные процессы. Они говорили о том, что полисная ментальность исчерпала себя вместе с полисной цивилизацией и теперь уступала место иной системе ценностей и представлений, характерной для грядущего мира эллинистических государств.

★ ★ ★

Настало время подвести некоторые итоги этой вводной главы. Кризис, который переживала Эллада в конце классической эпохи, — не фикция, а реальность. Фиксируются различные факторы этого кризиса. Внутриполитический — распад гражданского коллектива в полисах, утрата полисной солидарности. Внешнеполитический — дезорганизация «греческого содружества»¹¹⁴ и нарастание в полисном мире хаоса, постоянный конфликт между объединительными тенденция-

¹¹³ См., в частности: *Carlier P.* La notion de pambasileia dans la pensée politique d'Aristote // АА. Р. 103–118; *Гуторов В.А.* Универсальная царская власть и «альтернативная модель конституций» в «Политике» Аристотеля // ΜΟΥΣΕΙΟΝ: Профессору А.И. Зайцеву ко дню семидесятилетия. СПб., 1997. С. 128–137; *Шишко Е.П.* Представления Платона о единоличной власти // АГ. С. 81–88.

¹¹⁴ Пользуемся словосочетанием, легшим в заглавие известной книги: *Zimmern A.* The Greek Commonwealth. Oxf., 1924.

ми и партикуляристской ориентацией каждого полиса на автономию и автаркию — конфликт, в котором центробежные силы одерживали победу над центростремительными. Военный — резкая интенсификация применения наемников. Экономический — подрыв хозяйства в результате Пелопоннесской войны и дальнейших, необычайно участвовавших вооруженных конфликтов, общее обеднение страны. Идеологический — торжество индивидуализма над коллективистскими принципами этики, что парадоксально, но закономерно вело от «психологии гражданина» к «психологии подданного». В то же время наряду с кризисом и крахом старых форм жизни в IV в. до н. э. стали понемногу пробивать себе дорогу — постепенно, исподволь, начиная с далеких окраин — новые политические формы и реалии. Имеем в виду не столько сицилийскую державу Дионисия, сколько Боспор и прежде всего Македонию. За этими новыми формами было будущее: потребность в объединении эллинов ощущалась все более насущно.

Следует ли признать конечное установление македонской гегемонии в Элладе абсолютно неизбежным? Существовала ли альтернатива, возможность иного развития событий? В IV в. до н. э., пожалуй, уже нет. А вот в предыдущем столетии, в период наивысшего расцвета полисного мира дела, в принципе, могли бы пойти во многом по-другому. Так, допустим, что не Спарта, а Афины одержали бы победу в Пелопоннесской войне, да при этом еще овладели бы Сицилией¹¹⁵. И то и другое было возможно, если бы несколько иначе сложились конкретные обстоятельства. Но в таком случае афинский полис, став гегемоном греков, сосредоточил бы в своих руках такие колоссальные силы и средства, которые позволили бы ему нанести решающий удар по Персии, воплотить в жизнь программу панэллинизма задолго до Исократы, Филиппа II и Александра Македонского. Вся история античности могла в результате пойти альтернативным путем. Но, кстати, не переродились ли бы тогда

¹¹⁵ Нам могут возразить в том смысле, что «история не имеет сослагательного наклонения». Этот старый, позитивистский в своей основе тезис и по сей день господствует в отечественной историографии. Нам же, напротив, представляется чрезвычайно перспективным изучение разного рода альтернатив, вероятностей, модальностей в истории, обращение особенно пристального внимания на так называемые «точки бифуркации», в которых направление исторического процесса не детерминировано и может давать различные варианты при сравнительно незначительных отклонениях от исходных условий. Именно такой «точкой бифуркации» (причем одной из важнейших в истории классической Греции) была Пелопоннесская война.

сами победоносные Афины из демократии в монархию, скажем, во главе с Алкивиадом? И такого варианта тоже нельзя исключить.

В любом случае, в IV в. до н. э. по такому пути история пойти уже не могла. Классическая эпоха в конце концов закончилась установлением македонской гегемонии. Началась эпоха эллинизма, для которой были характерны совсем иные политические, социальные, идеологические проблемы.

А если бы не Македония — внешний, привходящий фактор? К чему привел бы кризис, если бы греки оказались предоставлены сами себе? Создается впечатление, что «великий греческий эксперимент» и сам собой уже заканчивался. Постоянные похвалы монархической форме правления в трудах политических теоретиков IV в. до н. э., если вдуматься, просто не могут не поразить. Греки, пожалуй, не вынесли бремени полисной свободы, устали от нее¹¹⁶ и от сопряженной с нею ответственности, возжелали переложить эту ответственность и эту свободу на чьи-нибудь чужие плечи. Соответственно, они вступили на путь, ведущий «от гражданина к подданному». Не Филипп II — так кто-нибудь другой рано или поздно явился бы, чтобы удовлетворить, воплотить в жизнь эти чаяния. Да и победа объединительных тенденций — неважно, привнесенных извне или вызревших изнутри — в любом случае приводила к отказу от ключевых элементов прямой демократии, характерной для полиса.

Классический полис был уникальной формой политической и социокультурной организации общества; он внес колоссальный вклад в историю античной и мировой цивилизации. Но, как говорится, «ничто не вечно под луной». Не был вечным и классический полис. И нежизнеспособным он становился не в последнюю очередь потому, что внешние условия в IV в. до н. э. изменялись. Если бы весь окружающий мир состоял из полисов, то, наверное, и греческому полису ничего бы не угрожало, он продолжал бы, так сказать, «вариться в собственном соку». Но в окружающем мире, и даже в непосредственной близости от Эллады, появились новые мощные силы. Чтобы выжить, им нужно было противостоять, а ни один отдельно взятый полис на такое противостояние был не способен.

¹¹⁶ Ср. Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии: Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 366: «Сказывалась усталость этноса от проделанной им в минувшие столетия тяжелой работы преобразования общества и его культуры».

У. Рансимен, на наш взгляд, основательно замечает¹¹⁷, что в полисных условиях была невозможна подлинная концентрация власти. Даже олигархические полисы несли в себе значительные элементы демократии, поскольку и в них, хотя бы номинально, высшим источником власти являлось народное собрание, коллектив граждан. Полномасштабной концентрации власти в руках некоей властной элиты, располагающей всеми ее рычагами, тем более в руках элиты наследственной было невозможно достигнуть. Соответственно, никогда и нигде нельзя было избежать проявлявшихся в той или иной степени издержек прямого народовластия, таких как неприязнь к «сильным», некомпетентность и т. п. Это было одной из причин того, почему полисы, как правило, оставались маленькими по размерам государствами, без тенденций к дальнейшему росту. Сколько-нибудь крупными территориями при сложившейся в полисных условиях политической системе просто невозможно было управлять, удерживать их под своим контролем¹¹⁸. Так, сколько Спарта ни пыталась сохранить в своей власти Мессению, на какие меры ни шла ради этого, — все равно с этой плодородной областью в конце концов пришлось расстаться.

В IV в. до н. э., когда новым возникшим на внешнеполитической арене силам нужно было противостоять, ни один полис по отдельности, повторим, был на это не способен, а объединяться они не хотели и не могли. Необходимо было модифицироваться и даже, так сказать, «модернизироваться» (употребим модный ныне термин из политических наук), а этого полисы тоже не хотели и не могли. Кстати, не смогли и в дальнейшем: греческий полис не знал бюрократии вплоть до конца античности, эта прослойка в эпоху эллинизма возникла, но не в полисных рамках, а при царских дворах.

Таков взгляд У. Рансимена. Все нас в нем устраивает, кроме фатально-пессимистического тона («Обреченный на вымирание» — так назвал этот ученый свою статью о полисе). Для Рансимена (и в этом он, кстати, выражает точку зрения, превалирующую в современной политологии) только такое государство является полноценным, в котором

¹¹⁷ *Runciman W.G.* Op.cit. P. 364 ff.

¹¹⁸ Греческий полис, как известно, не создал прослойки бюрократии. А уже Рим на переходе от Республики к Империи с необходимостью создания подобной прослойки столкнулся — в связи с такими факторами, как разросшиеся размеры государства, наличие многочисленных провинций, которыми нужно было эффективно управлять.

наличествует бюрократия. В греческом полисе таковой не было, и поэтому он предстает каким-то «недоделанным» государством.

Но представим себе, что древнегреческая история I тыс. до н. э. пошла бы с самого начала по иному пути, и в Греции сложились бы не полисы, а «нормальные» бюрократические государства — такие же, как во всем тогдашнем цивилизованном мире. Наверное, они оказались бы более долговечными... Но разве тогда Элладу ожидал бы тот могучий всплеск творческой активности, который она пережила на протяжении архаической и классической эпох? Разве были бы тогда в ней порождены те принципиально новые, уникальные, беспрецедентные формы культуры, мысли, мировоззрения, которые потом стали мощным фундаментом для духовного, интеллектуального развития Европы последующих эпох? Иными словами, стала бы тогда Греция Грецией, имело бы место «греческое чудо»? Думается, ответ вполне однозначен: ничего этого бы не было. Было бы типичное древневосточное общество, и не появился бы выход из этого «заколдованного круга».

Ахилл в «Илиаде» (IX. 410 sqq.) говорит:

Мать моя среброногая мне возвестила Фетида:
Жребий двоякий меня ведет к роковому пределу:
Если останусь я здесь, перед градом троянским сражаться, —
Нет возвращения мне, но слава моя не погибнет.
Если же в дом возвращусь я, в любезную землю родную,
Слава моя погибнет, но будет мой век долголетен,
И меня не безвременно Смерть роковая постигнет.

Выбор Ахилла известен. И, в сущности, это-то и есть выбор классического греческого полиса, гениально предвосхищенный Гомером: краткая, но великая, героическая судьба.

ГЛАВА II

НИКИЙ: МЕЖДУ ДЕМОСОМ И БОГАМИ

В первой главе предыдущей книги (АГ-2) мы дали достаточно подробный очерк классической афинской демократии V в. до н. э. как политической системы. При этом мы старались в особенной степени акцентировать не черты сходства этой системы с современными демократиями, а, напротив, те нюансы, которые отличают их друг от друга. Такой подход связан как с нашими общеметодологическими установками, так и с тем фактом, что античные демократии на самом деле весьма далеки от того, что понимается ныне под этим типом государственного устройства. Афинская демократия была *полисной демократией*, и в этом словосочетании первый компонент, пожалуй, является более важным, более определяющим феномен, чем второй. Иными словами, демократические Афины по целому ряду критериев были ближе к Спарте, которой их постоянно¹ противопоставляют, чем, скажем, к современным США.

После Перикла, в период Пелопоннесской войны, Афины продолжали оставаться демократическим полисом. Хотя все основы этой политической системы были к последней трети V в. до н. э. уже заложены, демократия все-таки не стояла на месте, продолжала претерпевать определенную эволюцию. Это выражалось, в частности, в том, что от-

¹ Уже с самой классической эпохи. Противопоставление Афин и Спарты — одна из ключевых тем «Истории» Фукидида.

дельные черты ее в военных, кризисных условиях все более выдвигались на первый план.

Среди этих черт нам особенно выпуклыми представляются две, из которых одна относится к сфере внешней политики, другая — к внутренней. Во-первых, чем дальше, тем становилось яснее: в условиях классической Греции существует тесная и даже неразрывная связь между демократией и империалистическим экспансионизмом. Это заметно на разных уровнях. Так, демократические Афины на протяжении большей части V в. до н. э. вели значительно более агрессивную внешнеполитическую линию, нежели не-демократическая Спарта², которая не без серьезных колебаний вступила в Пелопоннесскую войну. У этого парадокса «демократического империализма» есть, безусловно, немало объяснений различного порядка (достаточно вспомнить, что и в наши дни демократия и империализм нередко идут рука об руку). Нам хотелось бы особенно подчеркнуть вот какой момент. Демократия, как уже неоднократно доводилось замечать автору этих строк, представляет собой весьма дорогое удовольствие, которое могут позволить себе только богатые государства, — разумеется, если вести речь о реальной, а не фиктивной демократии. Афины классической эпохи были в высшей степени реальной демократией, со всесторонним и интенсивным политическим участием широких масс гражданского населения³. Конечно же, за это кто-то должен был платить, причем этим «кем-то» мог быть кто угодно, но только не сами афинские граждане.

Вторая черта заключается в следующем. Именно в период Пелопоннесской войны в афинском демократическом полисе впервые в полной мере наметились черты охлократии. Власть демоса⁴, народа, возымела тенденцию к перерождению во власть охлоса, толпы⁵. Такая опас-

² Andrewes A. Spartan Imperialism? // *Imperialism in the Ancient World*. Cambridge, 1978. P. 91–102.

³ Этот аспект наиболее подробно разобран в монографии: Sinclair R.K. *Democracy and Participation in Athens*. Cambridge, 1991.

⁴ К характеристике афинского демоса рассматриваемого периода см.: Meder A. *Der athenische Demos zur Zeit des Peloponnesischen Krieges im Lichte zeitgenössischer Quellen*. Diss. München, 1938.

⁵ Анализу категории охлоса в отечественной историографии посвящен ряд работ С.Г. Карпюка. См.: Карпюк С.Г. Ὀχλος от Эсхила до Аристотеля: история слова в контексте истории афинской демократии // ВДИ. 1995. № 4. С. 31–50; он же. Полибий и Тит

ность, наверное, всегда в какой-то степени коренилась в античной прямой демократии. Но в годы мирного развития опасность оставалась в большей степени теоретической, не становилась актуальной угрозой. Совсем другое дело — военное время: мирно дремавшие негативные потенции пробудились и стали все активнее давать о себе знать.

Сыграло большую роль и то обстоятельство, что в афинской политической жизни с 429 г. до н. э. больше не было фактора «первого гражданина», фактора Перикла. Предсмертные невзгоды «афинского олимпийца», надо полагать, усугублялись еще и тем обстоятельством, что он не видел среди сограждан, современных ему государственных деятелей никого, кто бы мог стать его достойным преемником. И действительно, после его кончины политическая жизнь в «городе Паллады» как бы «измельчала». Перикл, бесспорно, был человеком отнюдь не без недостатков. И все же его выдающаяся личность накладывала на все, что совершали Афины под его руководством, некий отпечаток благородства и величия. Преемники же Перикла — ни один из них — не пользовались столь же большим авторитетом, как он. Не блистало большинство этих людей ни талантами, ни подлинно государственным мышлением. Самое главное — они были не в состоянии подняться до осмысления долговременных, стратегических общеполитических интересов, думая в основном о решении сиюминутных задач, да еще о том, как бы не потерять свою популярность в среде демоса. Точной и меткой представляется их характеристика, данная Фукидидом: «Из преемников Перикла ни один не выдавался как государственный деятель среди других, но каждый стремился к первенству и поэтому был готов, потакая народу, пожертвовать даже государственными интересами. Отсюда проистекали многие ошибки (что и естественно в столь большом и могущественном городе)... Они... занимались мелкими дразгмами в борьбе за руководство народом и первенство в городе, и не только вяло вели войну, но привели в расстройство своими распрями государственные дела» (Thuc. II. 65. 10–11).

Ливий: ὄχλος и его римские соответствия // ВДИ. 1996. № 3. С. 44–53; *он же*. Толпа в архаической и классической Греции // ВДИ. 2000. № 3. С. 3–15; *он же*. Общество, политика и идеология классических Афин. М., 2003. С. 100–197; *Karpyuk S.* Crowd in Archaic and Classical Greece // *Hypoboreus*. 2000. Vol. 6. Fasc. 1. P. 79–102. Необходимо отметить, что именно в данной главе наш долг С.Г. Карпюку особенно велик; мы во многом опираемся на результаты его исследований, что в первую очередь будет относиться собственно к изложению биографии Никия.

Следует сказать, что Фукидид, судя по всему, несколько преувеличил различие между Периклом и сменившими его политиками⁶: между ними имелись и определенные черты сходства. Тем не менее можно безоговорочно утверждать, что на рассматриваемый период в Афинах падает кардинальная смена типа политической элиты. Имело место несколько взаимосвязанных процессов. Один из них — поступательное исчезновение с арены общественной жизни представителей старинной аристократии, так называемых *καλοὶ κἀγαθοί*, их отход от ведущей роли в политике. Этот факт нам уже приходилось отмечать⁷, а здесь, очевидно, нужно чуть подробнее остановиться на его причинах, как мы их понимаем.

Знатнейшие аристократические роды долгое время, на протяжении веков находились у «кормила» государства. Такая ситуация сохранялась даже и после реформ Клисфена. На первом этапе развития афинской демократии аристократы действовали, разумеется, уже под контролем демоса, но тем не менее продолжали из года в год по традиции занимать важнейшие посты в полисе⁸. Сам демос еще не мог дать Афинам лидеров, воспитав их из своей среды.

Ситуация изменилась при Перикле. Он — хотя и сам по происхождению знатнейший аристократ, но порвавший со своим родственным окружением⁹ — своими многочисленными реформами 450-х гг. до н. э. довел развитие политической системы афинской демократии, по сути, до логического предела; далее оставалось уже только совершенствовать заложенные им фундаментальные начала. Эта система предполагала, что демос сам распоряжается своей судьбой, без какой-либо оглядки на «лучших». Места для знати в ней уже попросту не оставалось. Юридически между евпатридом из самой «благородной» семьи и каким-нибудь поденщиком-фетом не было теперь никакой разницы: оба яв-

⁶ На это неоднократно обращал свое внимание В. Вилль в своих работах последних лет: *Will W. Perikles. Reinbek bei Hamburg, 1995; idem. Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held. Bonn, 2003.*

⁷ Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 27 сл.

⁸ *Stein-Hölkeskamp E. Adelskultur und Polisgesellschaft: Studien zum griechischen Adel in archaischen und klassischen Zeit. Stuttgart, 1989; Фролов Э.Д. Политические лидеры афинской демократии (опыт типологической характеристики) // ПДАСНВ. С. 6–22.*

⁹ Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 14–35.

лялись полноправными афинскими гражданами¹⁰. И если первый в течение какого-то времени продолжал пользоваться бóльшим авторитетом, то только в силу традиции, а традиции в интенсивно демократизирующемся полисе быстро уходили в прошлое.

Впрочем, не только в Перикле все дело. Не оставляет впечатление, что ближе к концу V в. до н. э. Афины попросту «оскудели» знатью. Насколько нам известно, характерной чертой аристократии самых различных эпох и цивилизаций является постепенное вырождение. Не имея специальной медицинской компетенции, не возьмемся ответственно судить о причинах этого. Но, думается, не последнюю роль здесь сыграла принятая среди наиболее знатных афинских семей система «эксклюзивных» брачных практик. Матримониальные связи эти семьи поддерживали чуть ли не исключительно друг с другом, вероятно, стараясь хотя бы таким образом отгородить себя от рядового демоса. В результате с течением времени все они оказались в родстве друг с другом, и практически каждый внутриаристократический брак оказывался тем самым браком близкородственным, тем более что в Афинах не существовало никаких запретов на браки между двоюродными братом и сестрой, даже между дядей и племянницей. Притоку «свежей крови», правда, способствовали брачные связи с аристократией других полисов. Они были широко распространены, но только до определенного момента, а именно до закона Перикла о гражданстве (451/450 г. до н. э.). Этот закон запретил легитимные браки с лицами неафинского происхождения.

Побочным эффектом близкородственных браков из поколения в поколение рано или поздно просто не могли не стать черты вырождения¹¹. Характерно, что потомки Фемистокла, Аристиды, Кимона,

¹⁰ Фетам, правда, было еще официально запрещено занимать некоторые полисные должности, например, архонтские. Однако на практике этот запрет элементарно обходился. Когда кандидатам на жеребьевку задавали вопрос, членом какого имущественного класса они являются, феты просто давали ложные сведения о своей принадлежности (Arist. Ath. pol. 7. 4), и на это смотрели «сквозь пальцы».

¹¹ Разумеется, мы сознаем, что данный тезис безусловен и может быть оспорен. Так, при обсуждении рукописи нашей монографии А.А. Молчанов высказал мнение, что к вырождению могут приводить только браки между лицами более близких степеней родства, чем практиковалось в классических Афинах (например, между родными братом и сестрой). Думается, однако, что повторение достаточно близкородственных браков из поколения в поколение все же постепенно могло давать, так сказать, кумулятивный эффект.

да и самого Перикла не блистали ровно никакими достоинствами¹² (специально оговорим, что здесь мы ведем речь именно о ближайших потомках, а «аристократического возрождения», имевшего место в Афинах эллинистической и римской эпох, совершенно не касаемся, поскольку это выходит за хронологические рамки книги). Они либо вообще не занимались государственной деятельностью, либо, если и занимались, ничего выдающегося в ней не достигли. И это даже не может не удивить. Например, семья Филаидов на протяжении длительного периода порождала целую череду энергичных, сильных и талантливых личностей. Среди них — Мильтиад Старший, Мильтиад Младший, Кимон, Фукидид, сын Мелесия¹³. А после них все как-то очень резко закончилось. Один из сыновей Кимона, Лакедемоний, занимал однажды должность стратега (Thuc. I. 45. 2; Plut. Pericl. 29), но не более того: он ничем не отличился на этом посту и в целом не входил в число влиятельных лидеров государства. А о его братьях нельзя сказать даже и этого, они были, судя по всему, полными ничтожествами, или, во всяком случае, людьми не слишком выдающимися; о них очень мало что известно¹⁴.

Отмеченное нами здесь обстоятельство уже в античности не ускользнуло от внимания наблюдательного Аристотеля: «В родах мужей, как и в произведениях земли, бывает как будто урожай, и иногда, если род хорош, из него в продолжение некоторого времени происходят выдающиеся мужи, но затем они исчезают; прекрасно одаренные роды вырождаются в сумасбродные характеры, как, например, потомки Алкивиада¹⁵ и Дионисия Старшего, а роды солидные — в глупость и

¹² Более или менее отличился в истории только самый молодой из сыновей Перикла — Перикл Младший. В 406 г. до н. э. он был одним из стратегов, выигравших Аргинусское сражение и затем казненных по приговору афинского народного собрания. Характерно в данной связи, что его матерью была милетянка Аспасия, то есть приток «свежей крови» имел место.

¹³ И даже одна представительница «прекрасного пола» — Эльпиника. Именно ее, без сомнения, следует назвать самой сильной женщиной в афинской истории (сильной, конечно, не в физическом, а в моральном смысле).

¹⁴ Фессал в 415 г. до н. э. обвинял в суде Алкивиада (Plut. Alc. 19; 22); Улий в 425 г. до н. э. был ситофилаком (Aristoph. Equ. 407 cum schol.).

¹⁵ Кстати, у Алкивиада — человека, вне сомнения, гениально одаренного — был родной брат Клиний, которого источники характеризуют как слабоумного или даже просто сумасшедшего (Plat. Prot. 320a; Plat. Alc. I 118e; Athen. XI. 506d). Отметим в связи с этим, что, по мнению некоторых специалистов-психиатров, не только умственная